Киевские князья
монгольской и литовской поры

Знаменитые украинцы

FOLIO

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Расцвет Киевской Руси как государства пришелся на правление Ярослава Мудрого, и ни при одном князе после него, даже при Владимире Мономахе, Русь не достигала подобного величия. К нашествию Батыя – в середине XIII века – из-за непрекращающихся княжеских междоусобиц и борьбы за власть Киевская Русь подошла, практически полностью утратив былое могущество и единство. В книге описывается одни из наиболее сложных периодов истории Руси, когда некогда сильное государство Восточной Европы стало вассалом сначала монголо-татарских завоевателей, а затем Великого княжества Литовского.

- В. Авдеенко
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - Часть первая
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
  - Часть вторая
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
  - Приложение
  - ЛИТЕРАТУРА
- notes
  - 1

В. Авдеенко
Киевские князья монгольской и литовской поры

Посвящается моему отцу Анатолию Авдеенко – большому ученому и прекрасному человеку

ПРЕДИСЛОВИЕ

Киевская Русь достигла своего расцвета при князе Ярославе Мудром в XI веке, и в это время она представляла собой централизованное государство. Князья назначались на ключевые столы, они были подотчетны великому князю, собирали для него налоги, выставляли по его требованию дружины для защиты от внешнего врага.

На княжеских столах при Ярославе сидели его сыновья или братья (некоторые – сводные), все это был единый княжеский род, за исключением, быть может, князей болховских, о которых известно крайне мало и чье происхождение до конца не ясно.

Ярослав разделил свою державу между сыновьями, старшему из них – Изяславу – он завещал Киев. После смерти Ярослава в 1054 году относительное спокойствие продлилось почти 15 лет. Изяслав, как и завещал ему отец, правил в Киеве, при этом фактически он объединил свои усилия с братьями – Святославом, чьей вотчиной был Чернигов, и Всеволодом, княжившим в Переяславле.

Триумвирату Ярославичей удавалось более-менее исправно управлять наследством отца вплоть до 1068 года, когда они потерпели сокрушительное поражение от половцев на реке Альте. С этого времени на Руси началась политическая нестабильность, продолжавшаяся вплоть до татаро-монгольского нашествия, которое, впрочем, также не прекратило междоусобицу.

Коротким периодом стабильности стало правление Владимира Мономаха, добившегося киевского стола под конец жизни (1113–1125), и его сына Мстислава Великого (1125–1132), после чего междоусобица разгорелась с новой силой.

При этом в XII веке наблюдается обособление княжеств от Киева, которые превращаются в полунезависимые государства. Во многих землях – Волынской, Галицкой, Суздальской, Черниговской, Полоцкой – образуются местные княжеские династии, которые стараются не пускать к себе чужаков.

Исключениями из этого складывающегося правила были, пожалуй, Новгород и Киев – два древнейших города, издавна споривших за первенство на Руси. Со временем Новгород оставил столичные амбиции, но его горожане, как и прежде, культивировали свою независимость. Не имея собственной княжеской династии, они сами выбирали себе правителя, которого могли выгнать из города так же легко, как до этого призвать на княжение.

Киев тоже не имел своей династии, тем не менее, недостатка

в желающих сесть на его стол никогда не было – даже перед угрозой смертельной опасности в лице сперва половцев, а потом и татаро-монголов.

Несмотря на то что Киев в XII столетии перестал быть столицей в полном смысле этого слова, оставаясь лишь первым среди равных, он не потерял своей притягательности для князей, более того, даже после монголо-татарского нашествия и разорения Киев был все так же важен и привлекателен для них.

В Киеве после нашествия оставалась резиденция митрополита, здесь, несмотря на разорение, посвящались им в сан епископы со всей Руси. Лишь в 1300 году резиденцию перенесут на север, во Владимир, и это будет связано, вероятно, с политикой, а не с социально-экономической ситуацией в Киеве.

Одной из главных причин ослабления Киева стали изнурительные междоусобные войны князей за право им править. К приходу монголо-татар на Русь Киев, как и другие города Руси, прежде всего на юге, был истощен в этой борьбе, а само нашествие окончательно подорвало былое могущество столицы некогда одного из наиболее сильных государств Восточной Европы.

Ослабление Киева и Руси в целом, скорее всего, было предопределено как субъективными, так и объективными причинами. Но ответственность за полную деградацию края, утрату им суверенитета лежит на его правителях.

Разрушение Киева войсками хана Батыя и его дальнейший упадок перекроили, как бы сказали сегодня, геополитическую карту Европы, предопределив многие тенденции на века вперед, вплоть до наших дней.

Часть первая
КИЕВСКИЕ КНЯЗЬЯ МОНГОЛЬСКОЙ ПОРЫ

Глава первая
БОРЬБА ЗА КИЕВ

1

Киев в период феодальной раздробленности, когда земли и княжества отделялись, взращивая собственные княжеские династии, был центром не только Киевской земли, но и оставался главным городом Руси, желанным для любого князя.

Более того, Киев нельзя в полном смысле слова назвать столицей собственно Киевского княжества, как, например, Галич – Галицкого, Рязань – Рязанского или Смоленск – Смоленского. Подтверждением тому может быть ситуация, сложившаяся во второй половине XII столетия, когда на киевском столе сидел истинный герой «Слова о полку Игореве» – Святослав Всеволодович, – тогда как Киевской землей управлял Рюрик Ростиславович из ставки во Вручии (современный Овруч). Его сын, Владимир Рюрикович, правивший в Киеве незадолго до татаро-монгольского нашествия, когда терял город, также уходил во Вручий.

Основы такого положения были заложены еще во времена централизованности Древнерусского государства, когда великое княжение в Киеве получал старший в роду – при этом право на великокняжеский престол на Руси переходило не от отца к сыну, а от брата к брату, потом – к старшему сыну, а затем снова – по горизонтальной линии.

С усугублением раздробленности правила великокняжеского наследования все чаще стали нарушаться, что только обостряло междоусобицу. Отдельные князья и целые княжеские роды вели изнурительные войны за различные земли бывшего Древнерусского государства, главным призом в которых неизменно оставался Киев.

Как пишет в своем фундаментальном труде «История России с древнейших времен» Сергей Михайлович Соловьев, «…на Руси не было единого государя; в ней владел большой княжеский род, единство которого поддерживалось тем, что ни одна линия в нем не имела первенствующего значения и не подчиняла себе другие в государственном смысле, но каждый член рода в свою очередь вследствие старшинства физического имел право быть старшим, главным, великим князем, сидеть на главном столе, в лучшем городе русском – Киеве… главная цель усобиц была поддержать

свое право на старшинство, свое место в родовой лествице, от чего зависело владение тою или другою волостию. Но если верховным желанием, главною заветною целию для каждого полноправного князя-родича было достижение первой степени старшинства в целом роде и если с этою степенью старшинства необходимо связывалось владение лучшим городом на Руси, матерью городов русских – Киевом, то понятно великое значение этого города для князей».

Как говорит цитируемая историком летопись, «…да и кто не полюбит киевского княжения? Ведь здесь вся честь и слава, и величие, глава всем землям русским Киев; сюда от многих дальних царств стекаются всякие люди и купцы, и всякое добро от всех стран собирается в нем».

XII век ознаменовался обострением междоусобной борьбы за Киев, которую развязали в начале столетия смоленские Ростиславичи и черниговские Ольговичи. Княжеская вражда происходила под неусыпным контролем владимирского князя.

Во втором десятилетии XII века ситуация изменилась. В 1212 году умер Всеволод III, правивший Владимиро-Суздальским княжеством 32 года. В том же году умер Всеволод Чермный из Чернигова, который последние семь лет своей жизни провел в бесконечных войнах за Киев. Власть в южной столице получили Ростиславичи, и на десятилетие на юге установилось относительное затишье. Неспокойствие перемещается на север – во Владимир, и в особенности в Новгород.

2

Население Киева в период его расцвета оценивается в 50 тысяч человек – именно эта цифра практически всеми исследователями считается верной. По оценке Михаила Грушевского, в Киеве с пригородами было 100 тысяч жителей. Ни один город Древней Руси не мог сравниться по численности жителей с Киевом. Так, во втором городе Древнерусской державы – Новгороде, – по оценкам историков, проживало около 30 тысяч человек. Численность населения Киева считалась высокой и для Европы и была сопоставима с показателями таких столичных городов, как Париж и Лондон.

У нас нет данных об уменьшении количества жителей перед татаро-монгольским нашествием. Вероятно, население не росло по сравнению со временем Ярослава Мудрого, но и вряд ли сокращалось.

Местоположение города с точки зрения его безопасности

можно считать практически идеальным. Его колыбелью стала высокая неприступная гора, возвышавшаяся над рекой. Именно эта часть Киева известна как Город Владимира. Сегодня это – исторический центр, в котором закономерно сосредоточена основная масса памятников архитектуры и истории.

Уже при Ярославе Мудром город значительно расширился, при этом границы Города Ярослава считаются хрестоматийными. Это, прежде всего, крепостная стена и городские ворота. Сегодня в Киеве существует улица Ярославов вал – ее имя говорит само за себя. Она протянулась от Золотых ворот, воссозданных на месте оригинальных, до Львовской площади, где в древности находились Львовские (другое название Жидовские) ворота. Эти ворота выходили на запад, откуда и название. Второе название может свидетельствовать о том, что вблизи них был квартал, населенный евреями, вероятно хазарскими.

Были еще третьи ворота – Лядские. Они выходили на юг, именно через них воины Батыя проникли в город. Сегодня на их месте – Майдан Незалежности, бывшая площадь Октябрьской революции.

Откуда такое название – до конца не ясно. По одной из версий, оно связано с поляками – ляхами, однако источники не сообщают о местах компактного проживания польского населения в Киеве. По другой версии, оно происходит от слова «ляда», которое означает расчищенное от леса место, – к Лядским воротам в древности подходили лесистые заросли.

На плоской местности возле реки раскинулся Подол, который по площади превосходил многие города Киевской Руси, да и Верхний город тоже. Здесь находился торгово-ремесленный посад, а также порт. Подол, как и весь остальной Киев, за исключением нескольких каменных церквей и княжеских дворцов, был деревянным и часто страдал от пожаров.

Здесь находилось торжище, на котором также собиралось народное вече. В 1068 году князь Изяслав Ярославич поссорился с киевлянами и перенес «торговище» с Подола в Верхний город. Как говорит летописец, «Изяслав же взогна торг на гору». Вероятно, сделал он это, желая оказывать более решительное давление на вечевые сходки. Впоследствии торговище перешло опять на Подол, сообщает Владимир Антонович в своем исследовании о древнем Киеве.

Подол того времени был также укреплен, он был обнесен палисадом, который тянулся между киевскими холмами и Днепром.

Укрепление проходило чуть дальше современных улиц Нижний вал и Верхний вал – от горы Щекавица, что напротив

Житнего рынка, до улицы Почайнинской. В древнем Киеве корабли и суда швартовались не на Днепре, а на Почайне, которая создавала удобную и безопасную гавань.

В двух километрах к югу от города лежало село Берестово, в котором князь Владимир Святославич построил княжеский двор. Вблизи Берестова был основан Киево-Печерский монастырь, культурное и просветительское значение которого в Древней Руси общеизвестно.

Южнее Печерского монастыря, на берегу Днепра находился Выдубицкий монастырь. Обитель памятна тем, что здесь во времена Владимира Мономаха игуменом был Сильвестр – составитель первого летописного свода, или так называемой «Повести временных лет».

Ни Киево-Печерский, ни, тем более, Выдубицкий монастырь не входили в то время в состав собственно города, как сегодня. Также не были частью Киева нынешние районы современного города, такие как Клов, Дорогожичи, Предславино и другие.

Левый берег Днепра также не входил в состав Киева. Труханов остров посреди Днепра был местом проведения княжеских съездов.

Отсутствие единства территории Киева сохранялось до позднего времени, рельефные и архитектурные особенности исторических частей города – Горы, Печерска и Подола – присутствуют и сегодня.

Немецкие источники сообщают, что в Киеве того времени было 400 церквей и 8 торгов, суздальская летопись говорит о том, что во время пожара 1124 года в Киеве «только церквей сгорело больше шестисот». Эти цифры, вероятно, преувеличены. Вместе с тем, как пишет Грушевский, в те времена богачи имели свои личные церкви во дворах.

Несмотря на строительный бум, не прекращавшийся вплоть до нашествия, большинство построек были из дерева. Валы, окружавшие Киев, были земляными, значительной толщины, и их было очень сложно пробить. Поверх валов шли деревянные ограждения – заборола, за которыми прятались защитники города. Именно на разрушение этих заборол были, в первую очередь, направлены силы татаро-монгольских захватчиков при штурме.

Таким был в древности Киев, за который беспрестанно сражались князья. Как говорил летописец, кто же мог отказаться от Киева – лучшего города Руси.

Глава вторая
НОВЫЙ ВРАГ

Враги приходили на Русь издавна. Были хазары, были варяги, приходили печенеги, которых раз и навсегда отвадил князь Ярослав Мудрый. На месте, где в 1036 году у стен Киева были разбиты печенеги, Ярослав приказал воздвигнуть храм – знаменитую теперь на весь мир Софию Киевскую.

Место печенегов очень быстро занял новый, еще более грозный враг – половцы. Лишь Владимир Мономах смог изгнать половцев с Руси, но и после этого они нередко совершали опустошительные набеги на русские земли.

Военные действия сменялись перемириями, во время которых заключались браки. На половчанках были женаты сыновья Владимира Мономаха Юрий (Долгорукий) и Андрей. Половецких жен имели также Олег Черниговский и его сын Святослав. Сыновья князя Святослава – герои «Слова о полку Игореве», – собственно князь Игорь и его брат Всеволод, по крови были больше половцами, чем русскими. Сын Игоря, Владимир, в плену также женился на половецкой княжне.

Несмотря на то что в XIII веке половцы практически перестали беспокоить русские земли, они, в отличие от своих соплеменников – торков, берендеев, ковуев, черных клобуков, которые состояли на службе у русских князей, – так и не стали для Руси «своими». Но не половцам суждено было погубить Русь.

Новый враг появился оттуда, откуда он приходил и раньше – с востока, из степи.

Большому нашествию 1237–1240 годов предшествовала «разведка боем», осуществленная военачальниками Чингисхана Джебе и Субедеем в 1223 году.

После завоевания монголами Хорезма эти двое получили разрешение Чингисхана нанести удар по «западным землям». Разгромив Азербайджан и Грузию, они продвинулись на Северный Кавказ, где встретились с аланами (осетинами) и половцами.

Монголы, прельстив половцев подарками и разговорами о том, что они с ними «одного рода», разбили наголову осетин, а после этого и «братьев»-половцев. Затем монголы взяли Судак в Крыму, после чего перед ними открылась дорога на Русь.

Тем временем на Руси борьба за Киев не утихала, и князья на киевском столе менялись с невероятной скоростью.

Вместе с тем, непосредственно перед приходом татаро-монголов на Русь в Киеве наблюдалась относительная

политическая стабильность. После изгнания Всеволода Чермного в 1212 году стольный град на многие годы оказался в руках княжеского рода Ростиславичей. Именно к этому роду принадлежал Мстислав Романович по прозвищу Старый, который первым из киевских князей столкнулся с монголами.

Таким образом, Мстислав Романович может считаться первым киевским князем монгольской поры, которая в Южной Руси продолжалась до второй половины XIV века, а на севере затянулась еще на одно столетие.

Удивительно то, что в русских летописях того времени совершенно нет сведений о появлении на восточных рубежах новой грозной силы.

О приближении врага сообщили половцы, чьи кочевья подверглись нападению монголов. Половецкий хан Котян попросил о помощи своего зятя – галицкого князя Мстислава Мстиславича Удалого. Тот созвал в Киеве княжеский съезд, на котором и было решено выступить навстречу врагу.

Кампанию возглавили три влиятельных князя – три Мстислава. Помимо князя Галицкого в поход собрались со своими дружинами Мстислав Романович Киевский и Мстислав Святославич Черниговский. Всего же на монголов выступили 18 князей – преимущественно из Южной Руси – ни Новгород, ни Псков, ни даже Суздальская земля свои дружины не прислали (есть летописное сообщение, подвергаемое некоторыми историками сомнению, что дружина владимирского князя шла к месту битвы, однако повернула назад в районе Чернигова, когда стало известно о разгроме русских).

В этом же походе принял участие молодой князь Даниил, впоследствии известный как Даниил Галицкий.

Решающая битва произошла 31 мая 1223 года на реке Калке. Ей предшествовали стычки с передовыми монгольскими отрядами.

Монголы вновь решили применить хитрость – к русским князьям были направлены послы, которые, если верить летописи, сказали примерно следующее: «Мы с Русью войны не хотим и на вашу землю не посягаем. Воюем мы с половцами, которые всегда были вашими врагами, а потому, если они бегут теперь к вам, – бейте их и забирайте себе их добро». Князья не прислушались к словам монголов и перебили послов.

Выдающийся русский историк Лев Гумилев полагал, что у монголов действительно не было в планах воевать Русь, так как их врагами на самом деле были половцы. Но, коль скоро русские приняли сторону половцев, к тому же были убиты монгольские послы, что считалось смертельным оскорблением, то теперь и они

стали для монголов врагами.

Русские потерпели в битве на Калке сокрушительное поражение. Точное количество погибших нам неизвестно (в летописи говорится о гибели 10 тысяч киевлян, что является безусловным преувеличением), однако есть сведения, что погибли девять князей, то есть половина из принявших участие в походе. Среди них – и Мстислав Романович Киевский и Мстислав Святославич Черниговский.

Можно только догадываться о причинах поражения русских дружин. Наиболее убедительной является та, что изложена в Ипатьевской летописи, где говорится о «великой вражде» между тремя Мстиславами.

Битва на Калке показала всю суть того, что в это время происходило на Руси, прежде всего в южной ее части. Постоянно ссорясь между собой, не находя элементарного компромисса, князья, имея безусловное преимущество, бездарно распорядились имеющимися в их распоряжении ресурсами, что и привело к бесславному краху.

Казалось бы, после столь сокрушительного поражения русские должны были озаботиться появлением у своих рубежей нового врага, однако этого не произошло. Как отмечают историки, в период после Калки до нашествия Батыя – а это почти 15 лет – в летописях нет ни одного упоминания о новой угрозе.

«Татары вернулись от Днепра, и не знаем, откуда пришли и где снова подевались – откуда их Бог привел за наши грехи», – цитирует современника тех событий Михаил Грушевский.

Как пишет в своей книге «Кризис средневековой Руси. 1200–1304» профессор Оксфордского университета Джон Феннел, «Печальные события 1223 года оставили у русских ощущение, что татары как бы растворились в степи. Русские расценили происшедшее как еще одно степное нашествие, которое, по крайней мере, принесло ту пользу, что нейтрализовало половцев».

Что ж, звучит вполне правдоподобно, что, однако, вовсе не оправдывает легкомыслие Руси.

Здесь следует привести один эпизод, который, вероятно, частично объяснит, с чем могло быть связано столь, казалось бы, неадекватное поведение русских в отношении монголов, или, как принято говорить, татаро-монголов (монголо-татар).

Известный киевский археолог Глеб Ивакин в своей книге «Историческое развитие Киева XII – середины XVI веков» сообщает о любопытном факте. Так, по его словам, в «Истории сельджуков» Ибн Биби рассказывается о том, как из-за постоянных жалоб купцов на грабежи султан турок-сельджуков

Ала ад Дин Кайкобау (Кей Кубад) в 1221 году отправил карательную экспедицию через «Хазарское море» (Черное), которая разрушила и разграбила город Согд. Некоторые историки считают, что речь идет о Судаке, хотя другие полагают, что это некий город на Кавказе. В любом случае, пострадавшей стороной оказались половцы, которые обратились за помощью к некоему русскому князю, имя которого, к сожалению, не названо.

Сельджуки разгромили половцев до подхода русских дружин, с которыми был заключен мир. Итогом мирного соглашения стал обмен подарками (по другим источникам, русские также приняли участие в битве и были разбиты, но все также закончилось замирением и подарками).

Сельджуки – выходцы из азиатских степей, отдаленно родственные половцам, завоевали сначала Среднюю, а затем и Малую Азию, отхватив значительную территорию у слабеющей Византии. Уже их наследники – турки-османы – завершили разгром Византийской империи и создали современную Турцию, носившую долгое время название Османской империи.

Тем не менее, сельджуков постигла та же участь, что и русских с половцами, – Сельджукский (Конийский) султанат после поражения в 1243 году стал вассалом монгольских ханов, а потом и вовсе распался.

Даже поверхностного взгляда достаточно, чтобы увидеть поразительное сходство между приведенным эпизодом из «Истории сельджуков» и событиями битвы на Калке. С той лишь разницей, что в первом случае все закончилось для русских благополучно, а во втором – не очень.

Трудно сказать, действительно ли идет речь об одном и том же событии. Вероятно, все же нет. Из летописей мы знаем, что противниками русских были именно монголы, а не кто-либо другой. Кроме того, сельджукская операция, если верить источнику, произошла двумя годами ранее.

Мы не знаем, кто был тот русский князь, который подозрительно не поспел к месту сражения. Это мог быть и Мстислав Киевский, и Мстислав Черниговский, или какой-то другой князь Южной Руси (ряд историков настаивает на том, что это был рязанский князь, но у нас нет оснований утверждать это).

Учитывая то, что мы ничего не знаем об этом эпизоде из русских источников, можно предположить, что в действительности речь идет вообще не о князе, а о каком-нибудь более мелком феодале. Осмелимся предположить, что с сельджуками обменивались подарками вовсе не русские, а какие-то неустановленные обитатели причерноморских или приазовских степей – а таких было в те времена немало. Можно

вспомнить, что еще со времен Владимира Святого по Днепру селились черные клобуки, имевшие собственных военачальников. Были еще некие бродники, которые, как известно, предали русских во время битвы на Калке. Эти последние обитали в степях Причерноморья и, очевидно, были смешанного тюрко-славянского происхождения (по крайней мере, они были православными). Они нередко участвовали в битвах русских с половцами, а также междоусобицах русских князей.

Даже если сельджуки не имели контактов с кем-либо из русских князей, в любом случае, наверняка об этом эпизоде на Руси было известно. Поэтому не исключено, что в связи с этим русские могли достаточно легкомысленно отнестись к известию о появлении монголов, посчитав, что это – очередная карательная операция против половцев и что это – очередной повод получить с пришельцев очередной гешефт.

Глава третья
МЕЖДУ НАШЕСТВИЯМИ

1

После битвы на Калке, в которой погиб Мстислав Романович, на киевский стол сел князь Владимир Рюрикович, также принимавший участие в этом сражении.

Сын деятельного князя Рюрика Ростиславича, он, как и его отец, до вокняжения в столице сидел в Овруче, или, как его тогда называли, Вручии, который считался административным центром Киевской земли.

Время княжения Владимира Рюриковича, продлившееся до 1235 года, можно охарактеризовать как период относительной стабильности, сопровождавшейся, впрочем, вялой междоусобицей, которая не прекращалась ни до татаро-монгольского нашествия, ни после него.

«Если мы оглянемся на четырнадцатилетний временной промежуток между битвой на Калке и вторжением Батыя, мы, будучи на девятьсот лет мудрее, не сможем скрыть того чувства, что Русь жила на время, как бы взятое взаймы, не вполне отдавая себе в этом отчет», – говорится в «Истории России» Георгия Вернадского.

В 1228 году Владимир Рюрикович отправился вместе с Михаилом Черниговским в поход против Даниила Галицкого. Но князья решили замириться, и войны не произошло.

Но долгого мира также не получилось. «Еще весной 1231 года черниговские князья (и Михаил Всеволодович среди них. – *Авт.*) съезжаются «на соньмъ» в Киев, приязно пируют с Владимиром по случаю посвящения ростовского епископа, а уже следом Михаил (зимой 1232/33 года) выбирается на Владимира», – пишет Грушевский в своей многотомной «Истории Украины».

Теперь киевскому князю пришлось уже обращаться к Даниилу за помощью от посягательств Михаила. И снова трем князьям удалось договориться.

Грушевский был очень низкого мнения о Владимире Рюриковиче. «Подобно предшественнику это была достаточно бесцветная фигура, которая имела очень небольшое значение в современной политике», – пишет он.

В 1235 году шаткое спокойствие было нарушено. Как писал о том времени летописец, «не хотя исперва оканьныи, всепагубныи

дьявол роду человеческому добра, въздвиже крамолу межи русьскыми князи, да быша человеци не жили мирно…».

Причиной распрей снова стала агрессивная политика Михаила Черниговского, который пытался захватить не только Киев, но и Галич и даже Новгород.

Владимир Рюрикович снова призвал на помощь Даниила Галицкого. Несмотря на то что Михаилу удалось разбить Даниила, Владимир не пострадал и благополучно вернулся в Киев.

Но война продолжилась: двоюродный брат Михаила привел к Киеву половцев. Владимиру Рюриковичу пришлось принять бой, который состоялся под Торческом. Во время боя князь был взят в плен половцами.

Не повезло и Даниилу – галицкие бояре вынудили его бежать из собственного княжества.

В Киеве утвердился Изяслав. Это был князь из черниговского рода, традиционно считающийся внуком князя Игоря, о котором сложена повесть «Слово о полку Игореве».

К этому времени он успел покняжить в Теребовле в Галицкой земле и в Новгороде-Северском. В 1233 году Изяслав вместе с Даниилом Галицким отправился воевать против венгров, но практически сразу же отказался от похода и вместо этого разорил волость своего недавнего союзника.

Но в Киеве ему надолго закрепиться не дали. В 1236 году Владимир Рюрикович освободился из половецкого плена – скорее всего, заплатив выкуп, и выбил Изяслава из города.

После этого интересы Изяслава снова были сосредоточены в Галицкой земле. В 1254 году, уже после нашествия татаро-монголов, он захватил Галич, но ненадолго. Предположительно, Изяслав вскоре был казнен по приказу Даниила.

Повторное княжение Владимира Рюриковича также не было длительным. В том же году Киев занял сын великого князя Всеволода Большое Гнездо, новгородский князь Ярослав.

2

Киев постепенно терял влияние на другие города и земли Руси. В XII веке на передний план выходит Владимир-на-Клязьме – центр Суздальской земли.

Владимир обязан своим возвышением Юрию Долгорукому и, особенно, его сыну – Андрею Боголюбскому.

До Владимира Мономаха в Суздальскую землю вообще не ставили князей, Владимир-на-Клязьме был заштатным

городишком, но уже через полвека он становится главным городом Ростово-Суздальского княжества, а вскоре получает первенство среди других городов Руси. Уступить Владимиру пришлось и Киеву.

По словам С. М. Соловьева, в отличие от других земель – Галицкой, Полоцкой, Рязанской, которые обособились «вследствие изгойства князей их», – Суздальская область обособилась, имея князя, признаваемого «первым, старшим в целом роде и, кроме того, материально сильнейшим».

Могущественные владимирские князья не упускали возможности побороться за южную столицу.

Так, всю свою жизнь добивался киевского стола Юрий Долгорукий, но насладиться в полной мере киевской властью ему не удалось. Через два года после вокняжения в Киеве он был отравлен на пиру.

Андрей Боголюбский Южную Русь не любил и предпочитал оставаться на севере. Он продолжил дело отца, строя и развивая города Суздальской земли. Именно он первым принял титул великого князя Владимирского.

Бытует мнение, что Андрей Боголюбский не проявлял интереса к Южной Руси и, в первую очередь, к Киеву, однако это не совсем так.

Боголюбский предпринял попытку отделить от Киева Владимирскую метрополию, впрочем, эта попытка была неудачной.

Более успешной была его военная операция 1169 года, когда он организовал коалицию из 11 князей, дружины которых захватили и разграбили Киев. «И бысть в Киеве на всих человецах стенание и туга, и скорбь неутишимая», – говорится о том событии в летописи.

Как подметил Лев Гумилев в своей книге «От Руси до России», это был первый случай, когда русские грабили русских – ранее захваченные города отдавали на разграбление половцам.

Овладев Киевом и оставив в нем править своего брата Глеба, Андрей Боголюбский обратил свои взоры на другой древний город – Новгород.

Итак, на Руси наметилась новая тенденция. Владимиро-суздальские князья, имевшие наибольшее влияние среди прочих, взяли за правило ставить под свой контроль «мать городов русских».

«…Киев остался по-прежнему старшим городом Русской земли, и между тем самый старший и самый могущественный князь не живет в нем, но, оставаясь на отдаленном севере, располагает Киевом, отдает его старшему после себя князю;

таким образом северный суздальский князь, несмотря на то, что, подобно прежним великим князьям, признается только старшим в роде, является внешнею силою, тяготеющею над Южною Русью, силою отдельною, независимою», – пишет С. М. Соловьев («История России…»).

3

Еще более известным владимирским князем был сводный брат Андрея Боголюбского Всеволод. При нем Владимир достиг своего наивысшего подъема.

Всеволод, которого из-за большого потомства называли «Большое Гнездо», временно контролировал Киев и даже формально был в нем князем – правда, всего несколько недель в 1173 году. Его сын Ярослав был знаком с южной столицей куда лучше.

Ярослав в возрасте девяти лет был послан своим отцом править в Южный Переяславль – этот город вместе с княжеством, лежащим на восток от Киева, был всецело в руках князей владимирских (ранее город назывался просто Переяславлем, вторая же часть названия появилась после того, как в XII веке Юрий Долгорукий основал в Суздальской земле Переяславль-Залесский).

Практика направления малолетних сыновей на княжение в дальние волости была распространена с давних времен. В этом же возрасте князь Владимир Святославич был посажен на стол в Новгороде, своего же сына Ярослава, прозванного впоследствии Мудрым, он направил совсем мальчиком в Ростов.

Многое связывает Ярослава Всеволодовича с Новгородом. Отсюда он отбивал набеги литвы и крестоносцев, отсюда сам ходил в походы на их земли.

Именно с помощью новгородцев Ярослав смог захватить Киев, который находился в 1236 году в гуще междоусобной борьбы между черниговскими Ольговичами, к которым принадлежали Михаил Всеволодович и его двоюродный брат Изяслав, и смоленскими Ростиславичами в лице Владимира Рюриковича.

Во Владимире в это время сидел старший брат Ярослава Юрий, в Новгороде находился его сын Александр – будущий князь Александр Невский. Потомки Юрия Долгорукого накануне татаро-монгольского нашествия заняли все ключевые княжества Руси.

Ярослав, взявший Киев практически без боя, – по крайней мере Новгородская летопись не упоминает какой-либо войны,

сообщая, что новгородцы из того похода пришли все здоровые, – так же без боя сдал южную столицу. Разгром родного Владимира монголо-татарами заставил его покинуть Киев и поспешить на помощь своим родственникам (или взять под контроль Владимир, оставшийся без правителя).

Однако к месту решающего сражения он, очевидно, не успел. Его брат Юрий был убит в битве на Сити 4 марта 1238 года. В том же году Ярослав стал великим князем Владимирским.

Ярослав – первый из русских князей, кого вызвал в Золотую Орду Батый. Там ему был выдан ярлык на княжение во Владимире и Киеве. Так Ярослав второй раз стал князем Киевским. Однако в Киев он не поехал, назначив в нем вместо себя наместника.

Вскоре Ярослав снова был вызван в Орду, откуда Батый направил его в столицу Монгольской империи – Каракорум. О причинах этой поездки и самом путешествии известно крайне мало.

Ярослав умер либо в Монголии, либо на обратном пути из Каракорума. Скорее всего, он был отравлен: мать великого хана Гуюка Туракине дала ему пить из собственных рук. После этой аудиенции Ярослав заболел и вскоре умер.

По какой причине от Ярослава решили избавиться – на этот счет также существует несколько версий. По одной из них, монголам не понравилось то, что он якобы вел переговоры с Ватиканом. По другой – великий хан и его мать хотели иметь на владимирском престоле своего ставленника. Кроме того, не исключено, что великий хан Гуюк имел напряженные отношения с Батыем и, считая Ярослава союзником правителя Золотой Орды, решил его устранить.

4

Одним из наиболее деятельных и могущественных князей раннего периода монгольской поры, бесспорно, был Михаил Всеволодович Черниговский, происходивший из рода Ольговичей.

Сын славного князя Всеволода Чермного и дочери польского короля Казимира II, он пытался восстановить величие родного Черниговского княжества.

Михаил вел постоянные войны с самыми влиятельными князьями Руси – со смоленскими Ростиславичами, князьями Владимиро-Суздальскими, с Даниилом Галицким.

Михаил Всеволодович принял участие в битве на Калке в 1223 году и чудом остался жив – его дядя, князь Черниговский

Мстислав Святославич, в этом бою погиб.

Он активно боролся за Новгород, где его соперником был представитель суздальских князей Ярослав, тот самый, что дважды был князем в Киеве.

Михаил, захватив Новгород, отбыл в свою вотчину – Чернигов, а вместо себя оставил править сына Ростислава.

Новгород в течение почти десяти лет переходил от одной семьи к другой, в результате победителем вышел Ярослав Всеволодович.

Но Михаил не стал унывать и решил сосредоточиться на освоении Южной Руси. Среди его интересов был, безусловно, Киев, но еще больше его интересовало Галицкое княжество, которым владел могущественный Даниил Романович.

Еще в 1228 году Михаил вместе с тогдашним киевским князем Владимиром Рюриковичем ходил в поход на Даниила, однако тогда военная кампания завершилась миром.

В 1231 году Михаил, выбитый из Новгорода своим главным врагом – Ярославом, решил попытать счастья в Киеве, несмотря на то, что там сидел его давний союзник Владимир Рюрикович. Этот последний призвал на помощь Даниила: «Идеть на мя Михаил, а помози ми, брате». Князья, как известно, примирились, но ненадолго.

С новой силой междоусобица на юге Руси разгорелась в 1235 году и снова из-за неуемных аппетитов Михаила Всеволодовича. Он снова позарился на Киев, в котором досиживал свои последние дни Владимир Рюрикович. Киевский князь опять призвал Даниила, однако теперь мирным путем решить спор не удалось.

Михаил Всеволодович смог овладеть Киевом и оставил в нем своего двоюродного брата Изяслава. Сам он отправился воевать Галицкое княжество.

В Галиче Михаил не застал Даниила – тот бежал за границу. Следуя своему прежнему правилу, Михаил Всеволодович покинул покоренную землю, оставив в ней сына Ростислава.

Пока Михаил воевал на западе, власть в Киеве сменилась несколько раз. Вернувшийся из половецкого плена Владимир Рюрикович прогнал из города Изяслава. Самого Владимира выбил из Киева князь Северной Руси Ярослав.

Как известно, Ярослав ушел из Киева, чтобы решать проблемы Владимиро-Суздальского княжества, на которое напали монголо-татары. Михаил Всеволодович решил воспользоваться отсутствием княжеской власти в Киеве.

Его решение покинуть Галицкую землю было опрометчивым – из-за границы вернулся Даниил, который без труда овладел

Галичем, как только узнал, что сын Михаила Ростислав ушел с дружиной на литву.

Тем временем Михаил Всеволодович княжил в Киеве. Осенью 1239 года к городу подошли татарские войска. До этого они разгромили Южный Переяславль и Чернигов.

Из-за нелестной по отношению к нему летописи принято считать, что Михаил при виде татаро-монголов трусливо бежал из Киева, бросив на произвол судьбы своих подданных.

Более поздние летописи, также с целью дискредитации Михаила Всеволодовича, сообщают, что он якобы приказал казнить ханских послов, пришедших «прельстити» киевлян.

Побеги князей перед угрозой нападения были обычным явлением. Сбегали от врагов и Владимир Святой, и Ярослав Мудрый, и Владимир Мономах, и, естественно, гораздо менее значительные князья. Несколько раз покидал свою вотчину Даниил Галицкий. Поэтому неудивительно, что, вероятно, наслышанный о том, что монголо-татары сделали с его родным Черниговом, Михаил покинул Киев и вместе с сыном Ростиславом, а также с вечным другом-соперником Даниилом удалился в Венгрию.

Уже после взятия Киева, в 1241 году, Михаил Всеволодович вернется в разгромленный город. Он поселится не в самом Киеве, а на одном из днепровских островов. Его сын Ростислав будет княжить в Чернигове.

Считается, что Михаил жил вне города из-за страшных разрушений, которым подвергся Киев, где, вероятно, ни один из княжеских дворцов не сохранился. С другой стороны, непонятно, почему он вообще вернулся – ведь татарская опасность не исчезла. Скорее всего, в Киеве не было постоянного татарского гарнизона, но монголо-татары совершали периодические набеги на покоренные земли, к коим относилось и Киевское княжество.

В 1243 году ярлык на киевское княжение получил Ярослав Всеволодович – заклятый враг Михаила, а в 1245 году монголы провели первую перепись населения Киева. Тогда, по свидетельству современников, в городе проживало не более двух тысяч человек – это при том, что до нашествия здесь было, напомним, не меньше 50 тысяч.

К этому времени Михаил Всеволодович уже был в Чернигове. В 1245 году его вызвали в столицу Золотой Орды – Сарай.

История гласит, что перед входом в шатер хана Батыя монгольские жрецы приказали Михаилу пройти через священный огонь и поклониться их идолам, на что он, согласно преданию, ответил: «Я могу поклониться царю вашему, ибо небо вручило ему судьбу государств земных, но христианин не служит ни огню,

ни глухим идолам».

За такую дерзость князь Михаил Всеволодович был казнен. Этому событию посвящено «Сказание о убиении в орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора». Князь Михаил Черниговский был впоследствии канонизирован Русской православной церковью.

Так закончился жизненный путь одного из самых деятельных и противоречивых князей Руси монгольской поры. Примерно в это же время в столице Монголии Каракоруме был отравлен другой влиятельный князь – вечный враг Михаила – Ярослав Всеволодович.

Стечение этих обстоятельств наводит на мысль, что монгольские ханы сознательно избавлялись от наиболее сильных и популярных князей, которые могли помешать распространению их влияния на Руси, однако, возможно, это всего лишь совпадение. Еще один влиятельный князь, быть может самый влиятельный, – Даниил Романович Галицкий – не только не был убит в Орде, но и получил от Батыя подтверждение владения на все свои земли.

После бегства Михаила Всеволодовича в 1239 году Киев ненадолго занял смоленский князь Ростислав Мстиславич. Однако уже вскоре «мать городов русских» переходит под контроль Даниила Галицкого.

Даниил не стал обустраиваться в Киеве, он отправился назад в Галич – как принято считать, чтобы готовиться отражать нападение татаро-монголов, оставив вместо себя наместника, некоего Дмитра.

Таким образом, Даниил стал, хоть и номинально, последним князем Киева до его разгрома татаро-монгольскими войсками.

Глава четвертая
КНЯЗЬ ДАНИИЛ РОМАНОВИЧ

Даниил Романович, князь Галицко-Волынский, был одним из наиболее значительных деятелей своего времени, и не только Руси, но и, пожалуй, всей Европы.

По словам выдающегося историка С. М. Соловьева, судьба дала Южной Руси князя, характер которого «вполне был способен доставить ей прочную и великую будущность, если только будущность Южной Руси могла зависеть от личности одного князя».

«С блестящим мужеством, славолюбием, наследственным в племени Изяславовом, Даниил соединял способность к обширным государственным замыслам и к государственной распорядительности; с твердостью, уменьем неуклонно стремиться к раз предположенной цели он соединял мягкость в поведении, разборчивость в средствах, в чем походил на прадеда своего, Изяслава, и резко отличался от отца своего, Романа», – пишет Соловьев в своем фундаментальном труде «История России с древнейших времен».

После смерти Романа Мстиславовича в 1205 году его вдова с малолетними сыновьями Даниилом и Васильком была вынуждена покинуть Галич, который ее покойный супруг сделал столицей объединенного Галицко-Волынского княжества. Некоторое время им пришлось скрываться в Венгрии.

В 1211 году, то есть в 11 лет, Даниил был посажен при помощи венгров и поляков на княжение в Галиче, однако уже в следующем году местные бояре изгнали его. Снова начались скитания, полные обиды, но в 1214-м, снова-таки с польской помощью, Даниил утвердился на Волыни – родине своего отца.

Здесь он прокняжит более 15 лет и до того, как окончательно утвердиться в Галиче, будет носить имя Даниила Волынского.

В статусе волынского князя он принимал участие в знаменитой битве на Калке. Вместе со своим тестем – тогдашним галицким князем Мстиславом Мстиславовичем Удалым – он первым вступил в бой с монголо-татарами, был ранен, но, как и Мстислав Галицкий, остался жив. Двое других Мстиславов – Киевский и Черниговский, а также другие князья (около десяти) были убиты.

После смерти Мстислава Удалого в 1228 году против Даниила складывается огромная коалиция, в которую вошли дружины киевского, черниговского и турово-пинского князей, а

также отряды курян, новгородцев (северских) и половцев. Объединенные войска осадили Даниила в Каменце. Чтобы выиграть время, он начал мирные переговоры с половецким ханом Котяном, и они оказались для него успешными.

«Батюшка, расстрой эту войну, прими меня в любовь к себе», – послал он сказать хану. Котян отделился от союзников и ушел в степи, правда опустошив предварительно Галицкую землю. Другие участники коалиции также отступили. Даниил же решил перехватить инициативу и, взяв в помощь поляков, пошел на Киев, однако по дороге его встретили послы киевского и черниговского князей, которые предложили ему мир.

Даниил продолжал борьбу за Галич и в 1229 году овладел им. Часть бояр решили убить его, но заговор раскрыл брат Даниила Василько. В 1231 году бояре сдали город венгерскому королевичу, но в 1233 году Даниил вновь возвратил его себе.

В очередной раз Даниил потерял свою вотчину в 1235 году – на этот раз Галич захватил влиятельный князь Михаил Всеволодович Черниговский, давно присматривавшийся к Галицкой земле.

В 1238 году Даниил окончательно вернул себе Галич, выбив из него Ростислава – сына Михаила Всеволодовича, который ушел в Киев, и уже не уступал его никому вплоть до своей смерти в 1264 году.

Даниил перед нашествием Батыя начал усиливать свое влияние в Южной Руси и в 1240 году захватил Киев. Сам он не остался в «матери городов русских», а поспешил обратно в Галич. В Киеве остался наместник Даниилов – тысяцкий Дмитр, которому и пришлось защищать город от монголо-татар.

Нашествие Даниил пересидел в Венгрии и Польше. Затем он вернулся в Галич и в течение четырех лет – с 1241 по 1245 год – периодически отбивал атаки Ростислава, сына Михаила Черниговского. Спор этот закончился разгромом Ростислава Михайловича.

В том же 1245 году Даниил был вынужден поехать на поклон в Золотую Орду, где он, впрочем, был принят вполне радушно. Судя по всему, его не заставили проходить унизительный ритуал поклонения идолам, за отказ от которого был убит Михаил Черниговский.

Благосклонное отношение Батыя способствовало усилению влияния Даниила на международной арене. Венгерский король согласился выдать свою дочь за его сына Льва, хотя еще несколько лет до этого отказывал в этом браке. Другой сын Даниила – Роман – женился на наследнице австрийского герцогства, третий – Шварн – взял в жены дочь великого князя

литовского Миндовга. Сам Даниил вторым браком женился на племяннице Миндовга. При этом свою дочь Устинию он выдал за владимирского князя Андрея – брата Александра Невского.

Даниил принимал активное участие в европейских делах, чему способствовали заключенные им династические браки.

Он успешно отбивал татарские набеги, ходил на подвластное Золотой Орде Киевское княжество, а иногда, наоборот, объединялся с ордынцами против литвы.

Даниил пошел на союз с папой римским, который пообещал ему организовать крестовый поход против монголо-татар. Он согласился принять королевский венец, и в 1254 году его короновали в Дрогичине.

Получить королевскую корону мог еще его отец Роман Мстиславович, однако он отказался изменять православной вере.

Не спешил переходить в католицизм и Даниил. Он самостоятельно довольно успешно противостоял притязаниям Золотой Орды и не видел особого прогресса в создании действенной коалиции против монголо-татар со стороны европейских правителей. После 1255 года Даниил прекратил сношения с курией, но сохранил за собой и своими потомками королевский титул.

В 1258 году в Южную Русь наместником был назначен темник Бурундай. Он потребовал срыть укрепления нескольких волынских городов. С Бурундаем Даниилу было не так просто справиться, как раньше с Куремсой. При новом баскаке Галицко-Волынское княжество попало под влияние Золотой Орды, от которого до этого умудрялось уклоняться.

В 1264 году Даниил Галицкий скончался. Ему наследовал его сын Лев, который княжил (королевствовал) совместно с братьями Шварном и Мстиславом.

Глава пятая
НАШЕСТВИЕ

Было бы неверным считать, что с 1223 года, когда дружины южнорусских князей были наголову разбиты передовыми монголо-татарскими отрядами на реке Калке, Русь ничего не ведала о грозном враге.

Судя по скудной информации в летописях, жителям Руси действительно хотелось верить в то, что опасность миновала и татары навсегда удалились от границ русских княжеств. Но они не исчезли и, тем более, не растворились, а вынашивали грандиозный план завоевания Восточной Европы.

После смерти Чингисхана в 1227 году ему наследовал его сын Угедей. Уже в 1229 году были предприняты первые набеги на земли, лежавшие в непосредственной близости от Руси, в результате чего были разбиты саксины и половцы, которые, согласно русским летописям, «възбегоша к болгаром». Были разбиты и волжские булгары. Эти последние в 1223 году оказали достойное сопротивление монголо-татарам, однако на сей раз успех, как говорится, был не на их стороне. И хотя монгольские военачальники решили не продолжать наступление, булгары, не на шутку испугавшись, начали искать союза с Русью, с которой у них до того были постоянные конфликты.

Следующий набег – и снова на булгар – произошел в 1232 году, о нем упоминает летопись: «Придоша татарове и зимоваша, не дошедше Великого града болгарськаго».

А уже в 1236 году «300 000 татар под начальством Батыя вошли в землю Болгарскую, сожгли славный город Великий, истребили всех жителей, опустошили всю землю: толпы болгар, избежавших истребления и плена, явились в пределах русских и просили князя Юрия дать им здесь место для поселения; Юрий обрадовался и указал развести их по городам поволжским и другим. В следующем году лесною стороною с востока явились в рязанских пределах и татары», – пишет С. М. Соловьев.

Но, как констатируют историки, несмотря на то что на Руси понимали неминуемость прихода монголо-татар, ничего не было сделано для укрепления восточных рубежей.

Окончательно решение о походе в Европу было принято монголами на курултае (съезде) в 1234 году. О масштабе кампании свидетельствует тот факт, что во главе войска хотел стать сам великий хан Угедей. Но его племянник Мунке, сам впоследствии великий хан, все же отговорил его, убедив, что

правитель не может так рисковать собой.

Перед вторжением на Русь монголо-татары разгромили все соседствующие с ней с востока и юга народы. Были разбиты булгары, саксинцы (вероятно, потомки некогда могущественных хазар), черемисы, башкиры, буртасы, мордва, половцы и осетины.

Первый удар приняла на себя Рязань. Затем татары ударили по Владимиру, взяв попутно Москву, которая в то время была даже не городом, а, вероятно, укрепленной заставой.

Войско Батыя подошло к стенам северной столицы 3 февраля 1238 года. Несколько дней шла подготовка к штурму, который начался утром 7 февраля. Уже к полудню все было кончено. Жители Владимира, в том числе и семья великого князя Юрия Всеволодовича, столпились в Успенском соборе, где татары их всех убили.

Великий князь Владимирский Юрий погиб в битве на реке Сить 4 марта того же года, историки не исключают, что он был убит своими же воинами, по какой причине – не известно.

К лету 1238 года монголо-татары вернулись в степи и вновь появились на Руси – теперь уже на юге – через год. Первым пал Южный Переяславль. После этого пришел черед Чернигова, который был взят 18 октября.

Основные силы монголов отошли в степь, а отряд, ведомый Мунке, двинулся в сторону Киева.

Глядя на Киев с левого берега Днепра, будущий великий хан «удивися красоте его и величеству его». Он направил в город послов, которые предложили киевлянам сдаться. Те отказались (летопись сообщает, что послы были убиты по приказу князя Михаила Всеволодовича, что спорно), и Мунке отошел, не рискуя штурмовать Киев столь малыми силами.

Снова монгольские войска появились под стенами древней столицы осенью 1240 года.

В это время в Киеве князя не было – Даниил Галицкий, формально владевший городом, оставил в нем наместника Дмитра, которому и пришлось брать на себя всю ответственность.

Киев, как и вся остальная Русь, не был готов к приходу грозного врага. Не способствовала обороноспособности города и постоянная смена в нем власти. С 1235-го по 1240 год Киев переходил из рук в руки семь раз. Трижды им владели Ростиславичи, дважды – Ольговичи, по одному разу – Ярослав Всеволодович из Суздальской земли и Даниил Романович Галицкий. Никто не мог удержать город более чем на несколько месяцев.

Князья осуществляли сложные маневры, заключали временные союзы, которые сопровождались обманами и

предательствами, прерывались спорами и сражениями.

Ко времени прихода татаро-монгольских орд все князья Южной Руси истощили в постоянных стычках свои военные ресурсы.

Даже перед лицом серьезной угрозы, которая, в отличие от битвы на Калке, была теперь уже совершенно очевидной, князья не были в состоянии объединиться, забыв, хотя бы на время, личные амбиции.

Точных данных о том, сколько длилась осада Киева, нет. По некоторой информации, она продолжалась 10 недель и четыре дня. Считать эти цифры полностью достоверными нельзя хотя бы потому, что они приводятся в северных летописях, тогда как южнорусские источники такой информации не дают. Точно известна дата падения Киева – 6 декабря 1240 года. В связи с этим можно предположить, что город действительно держался довольно долго.

Монголы искали слабое место в оборонительной линии Киева и нашли его у Лядских ворот. Сейчас это территория Майдана Незалежности. На ней установлены символические Лядские ворота – напротив ресторана McDonald's.

К воротам вплотную подходила густо поросшая лесом Крещатицкая долина. Болотистый ручей, протекавший там, где сегодня пролегла центральная улица Киева Крещатик, замерз и вместо того чтобы усложнять положение осаждающих, наоборот, облегчил им подступы к городским стенам.

В ход были пущены осадные машины – тараны и катапульты. В конце концов стены не выдержали, и татары прорвались в город. Горожане спрятались от врага в Десятинной церкви, стены которой от тяжести собравшихся на хорах рухнули, погребя под собой людей.

Раненому во время обороны Киева тысяцкому Дмитру была дарована жизнь – за проявленную храбрость.

Сегодня практически невозможно ответить на вопрос, насколько серьезно был разрушен Киев во время нашествия Батыя.

Согласно официальной исторической традиции, разрушения были огромны. В подтверждение этого приводятся различные свидетельства современников тех событий. Так, посетивший Киев в 1245 или 1246 году – то есть буквально через пять лет после разорения – папский посол Плано Карпини писал, что от города «почти ничего не осталось, в настоящее время в нем едва насчитывается 200 домов, а его население содержится в полном рабстве».

Данные о количестве жителей – примерно две тысячи человек

(около десяти на каждый двор) – подтверждаются другими источниками. Что касается разрушений, то, например, Ипатьевская летопись, подробно описывающая штурм Киева, ничего не сообщает ни о степени разрушений, ни о количестве (хотя бы преувеличенном) убитых и угнанных в плен.

Известно о разрушениях Софийского собора и Киево-Печерского монастыря, однако, согласно источникам, они продолжали действовать и после нашествия.

Владимир Антонович в своей работе «Киев, его судьба и значение с XIV по XVI столетие (1362–1569)» приводит данные, свидетельствующие, в частности, о том, что киевские церкви, даже если и были повреждены, оставались действующими. Так, согласно летописям, в 1280 году в Софийском соборе был погребен митрополит Кирилл, скончавшийся в Переяславле-Суздальском. В 1288–1289 годах митрополит Максим рукополагал «в святой Софии в Киеве» Иакова в епископы Владимирские и Тарасия – в Ростовские. Позднее, уже в XIV веке, на митрополичьем дворе у Святой Софии жил непризнанный в Москве митрополит Киприан.

Действовал и Киево-Печерский монастырь. «Под 1274 годом Густинская и Воскресенская летописи занесли факт посвящения архимандрита Киево-Печерского Серапиона в епископы во Владимир. Под 1289 годом, при описании похорон волынского князя Владимира Васильковича, упоминается другой архимандрит Киево-Печерский – Агапит. Третий архимандрит того же монастыря, Давид, известен как духовник второй жены Ольгерда. В конце XIV столетия мы имеем сведения о погребении в Киево-Печерском монастыре многих знатных лиц: нареченного митрополита Дионисия (1385), князя Иоанна (Скиргайла) Ольгердовича (1396) и князя Владимира Ольгердовича», – пишет Антонович.

Впрочем, такая же противоречивая информация имелась и о других городах Руси, разрушенных татаро-монголами.

Практически нет сведений о разрушениях во Владимире, более того, имеющиеся данные временами противоречивы – так, сообщается, что Успенский собор был сожжен при нашествии в 1238 году, однако при этом через год в нем уже совершались службы.

По-видимому, серьезно была разрушена Рязань, первой принявшая на себя удар татаро-монголов. При этом данные археологии говорят о том, что Рязань была быстро восстановлена, и, несмотря на то что некоторые ремесла были уничтожены, а торговля на время пришла в упадок, это княжество вскоре вернулось к нормальной жизни.

В Киеве этого не произошло. Древнее поселение (впоследствии известное как Верхний город или Гора) так и осталось в руинах.

Показательно, что даже в XVI веке Верхний город был почти не заселен – во второй половине этого столетия киевский воевода князь Константин Острожский заложил возле Святой Софии слободу, куда стали заселять неимущих.

Впрочем, недостатка земли в Киеве не было. В середине XVI века население города не превышало пяти тысяч человек, то есть было в десять раз меньше, чем до прихода татаро-монголов тремя веками ранее. На уровень численности населения домонгольской поры Киев вышел лишь в XIX веке.

После нашествия Батыя пришли в упадок ремесла. Многие ремесленники были угнаны в Золотую Орду, остальные разбежались по другим княжествам, в меньшей степени пострадавшим от разорения. Их места заняли люди из сел, которые были гораздо менее искусными мастерами – связь времен прервалась.

Как пишет Б. А. Рыбаков в своем труде «Ремесло Древней Руси», после нашествия в Киеве совершенно прекратилось производство стеклянных браслетов, практически не производились керамические изделия, пресеклось ювелирное дело, которое не имело аналогов даже в других городах Руси.

При этом монголо-татары не трогали крестьян, с тем чтобы они могли выращивать хлеб.

Глава шестая
КНЯЖЕНИЕ ПО ЯРЛЫКУ

Л. Н. Гумилев заявлял, что никакого татаро-монгольского ига на Руси не было, но даже он признавал, что все русские княжества (за исключением Полоцкого) были вынуждены платить Золотой Орде дань, а все князья – получать у хана разрешение (ярлык) на право княжения.

После нашествия на Русь Батый пошел дальше на запад. 9 апреля 1241 года в битве при Линциге поляки, венгры и тевтонские рыцари были разгромлены, в Европе началась паника.

Но неожиданно умер великий хан Угедей. Весной 1242 года эта весть дошла до Батыя, после чего он прервал успешную западную кампанию. Достоверно неизвестно, что стало причиной такого решения: возможно – желание Батыя, внука Чингисхана, повлиять на выбор нового великого хана, возможно – истощение военных и других ресурсов и, как следствие, невозможность продолжать наступление, возможно – и то и другое. В любом случае, Европа была спасена.

Батый вернулся в азиатскую степь, однако он пошел не в Монголию, а остался на Волге, где основал город Сарай, ставший столицей Золотой Орды. Отсюда Батый и его наследники будут осуществлять контроль за русскими землями в течение более чем 200 лет, именно сюда будет направляться собираемая монголами (или, скорее, в интересах монголов) дань.

Золотая Орда (Улус Джучи) была образована около 1224 года как владение в составе Великого Монгольского Улуса. Государство находилось в управлении потомков старшего сына Чингисхана Джучи. Уже при сыне Джучи – Батые – Золотая Орда существенно расширилась на запад.

Сарай, а точнее Сарай-Бату, поскольку позже появился Сарай-Берке, был основан в 1254 году. Его население насчитывало несколько сотен тысяч человек. Это был многонациональный город. В нем жили монголы, половцы-кипчаки, аланы (осетины), адыги (черкесы), русские, булгары, византийцы и даже итальянцы. У каждого народа был свой квартал. Русский квартал был одним из самых крупных. Целые кварталы занимали ремесленники.

Большинство зданий было сделано из кирпича-сырца. В городе имелись водоснабжение и канализация.

Золотая Орда окончательно отделилась от Монгольской империи в 1266 году. При хане Берке активизировалось

строительство, в том числе новой столицы – Сарай-Берке. Хан приглашал из Ирана, Хорезма, Египта ученых, поэтов, купцов, иностранцы начинают также занимать руководящие должности, что не могло радовать местную знать.

Золотая Орда пережила несколько периодов междоусобиц, первая из которых произошла в последнее двадцатилетие XIII века. Она была связана с именем темника Ногая, который хотел отделить свои кочевья, располагавшиеся в Причерноморье от Дона до Днестра. Борьба закончилась в 1299 году поражением Ногая, и спокойствие вернулось на берега Волги.

Своего расцвета Золотая Орда достигла во времена правления хана Узбека (1312–1342) и его сына Джанибека (1342–1357). В этот период был достроен Сарай-Берке, активизировалась торговля. В качестве государственной религии был провозглашен ислам.

В 1359-м в Орде началась очередная смута. За 20 лет на золотоордынском престоле сменилось 25 ханов. Это время в русских источниках называется «Великая замятня». Главным «смутьяном» этого времени был темник Мамай. В течение целого десятилетия он фактически правил от имени ханов-марионеток.

Мамая часто ошибочно называют ханом, однако это не так. Он не принадлежал к числу чингизидов, а потому не мог претендовать на престол. Власть Мамая стал оспаривать молодой хан Тохтамыш, поддерживаемый Тамерланом. Под властью Мамая осталась только западная часть Золотой Орды – Причерноморье, где находилась его ставка. Мамай вынужден был вступить в противостояние с окрепшей Москвой Дмитрия Донского и Тохтамышем. Он проиграл обоим, после чего бежал в Кафу (Феодосию). Там он был убит своими союзниками генуэзцами, скорее всего по заказу Тохтамыша.

За время «Великой замятни» от Золотой Орды отпали Хорезм и русские земли. Усиливала позиции Москва. Тяжелый удар по Орде нанес Тамерлан. Распад Улуса Джучи был предопределен. Золотая Орда дробилась все XV столетие. Она распалась на ряд государств: Астраханское, Казанское, Казахское, Крымское, Сибирское ханства и Ногайскую Орду.

Такова краткая история Золотой Орды, которая несколько веков была сюзереном русских княжеств.

А пока монголы достаточно практично подошли к захваченным землям. Уже в 1245 году они провели перепись населения Киева с целью обложения данью.

Постепенно восстанавливалась власть в городе, налаживалось управление.

В 1241 году в Киев из Венгрии вернулся Михаил

Всеволодович Черниговский. Как пишет Глеб Ивакин в своей книге «Историческое развитие Киева XII – середины XVI веков», Михаил в очередной раз примирился с Даниилом Галицким, который подтвердил его права на Киев. Именно Даниил, как известно, был формальным хозяином Киева во время его взятия войсками Батыя.

Михаил Всеволодович поселился не в самом городе, а на острове на Днепре. Многие историки полагают, что это связано с тем, что в городе из-за разрушений негде было поселиться. Вместе с тем, вероятно, это было связано с другими причинами.

Глеб Ивакин считает, что амбициозный Михаил Всеволодович мог иметь претензии на верховенство всей Руси. Вместе с тем, «возможно, он выжидал разрешения или последующих действий со стороны ханской ставки, которая внимательно следила за политической ситуацией в стране».

Судя по всему, в первое время татаро-монголы не беспокоили завоеванные княжества.

В течение более чем десяти лет со времени нашествия монголы не совершили ни одного военного нападения на Северную Русь. Как отмечает оксфордский профессор Джон Феннел, «князья получили прекрасную возможность враждовать между собой».

Очевидно, похожая ситуация была и на юге. Что на самом деле происходило в Киеве, доподлинно неизвестно – киевская летопись долгие годы вообще не велась.

Скорее всего, в городе не было татарского гарнизона. Плано Карпини, ехавший через русские земли в Монголию с миссией от папы, видел татар в Каневе, а Даниил Галицкий на пути в Сарай встретил ордынский гарнизон в Переяславле.

Воспользовавшись ослаблением Руси, возобновила свои набеги присмиревшая было литва. Именно литовцев опасался встретить возле Киева уже упоминавшийся Плано Карпини. Литва нападала как на Волынь, подвластную Даниилу, так и на Полоцкую и Новгородскую земли, которые находились в сфере влияния владимиро-суздальских князей.

Несмотря на существование общего врага, князья не забывали о междоусобице. Хоть Михаил Всеволодович замирился с Даниилом, который уступил ему Киев, сын его Ростислав продолжил наскоки на Галичское княжество, активно привлекая к ним поляков и своих новых родственников – венгров. С 1243 года он был женат на дочери венгерского короля Анне. При этом он в некотором роде был родственником и самому Даниилу, чей сын Лев в 1247 году женился на другой венгерской принцессе – Констанце.

Тем не менее, скорее всего, Михаил Всеволодович не решался открыто провозгласить себя князем Киевским, тем более великим князем всея Руси. С этим, наверное, и было связано его поселение не в самом Киеве, а рядом с ним. Его опасения не были беспочвенны – в 1245 году его вызвали в Орду.

Как известно, первым князем, которого позвал Батый в Сарай для получения княжеского ярлыка, был Ярослав Всеволодович, занявший после гибели своего брата Юрия владимирский стол. Это произошло в 1243 году.

Как пишет профессор Феннел, за десять лет «суздальские князья совершили не менее 19 визитов к Батыю или его сыну Сартаку, а в четырех случаях были вынуждены предпринять долгое и трудное путешествие из Сарая к великому хану в Каракорум».

При этом из князей Южной Руси были призваны в Орду только двое – Михаил Всеволодович, который был там убит, и Даниил Романович Галицкий, чей визит, несмотря на пережитое унижение, завершился более чем успешно (к южным княжествам иногда причисляют Рязанское, чей князь Олег также побывал в Сарае в 1243 году).

Этот дисбаланс может быть объяснен тем фактом, что все, по крайней мере, известные киевские князья, назначенные Золотой Ордой, были из Владимиро-Суздальской земли.

Вероятно, Батый хотел, чтобы все русские земли находились под единой подконтрольной ему властью, которую он видел в лице владимирских князей. Возможно также, что он опасался более других двух деятельных князей Южной Руси – Даниила и Михаила. Последний, как известно, был в Сарае убит, и его отказ проходить языческий обряд мог быть использован лишь как повод для его устранения. Ведь Даниила не стали подвергать такому испытанию. Не исключено, что Батый получил от него гарантии не вмешиваться в общерусские дела и сосредоточиться исключительно на Галицком княжестве. Кроме того, учитывая связи Даниила Романовича в Польше, Венгрии и Литве, ордынские ханы могли контролировать ситуацию на западных рубежах своих владений.

В любом случае, ярлык на киевское княжение получил владимирский князь Ярослав Всеволодович. Он в Киев не поехал, назначив в нем править своего наместника боярина Дмитрия Ейковича. Возможно, что это тот самый воевода Дмитр, который по поручению Даниила защищал Киев от татаро-монголов, однако никаких фактов, подтверждающих это, нет.

Глеб Ивакин убежден, что Батый сознательно назначил Ярослава киевским князем.

«Вероятно, ордынская дипломатия пыталась столкнуть интересы разных группировок русских князей. И, опасаясь на этот конкретный момент более энергичной оппозиции Даниила Галицкого и Михаила Всеволодовича, Батый поддержал общерусские претензии владимирского князя. Назначая на киевский стол князей, которые, наперед известно, в Киев не приедут, хан таким образом оставлял столичный город без авторитетного политического руководства», – пишет он в своей книге «Историческое развитие Киева XII – середины XVI веков».

Глава седьмая
АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ, КНЯЗЬ КИЕВСКИЙ

Ярослав прожил после татаро-монгольского нашествия еще восемь лет. В 1246 году он повторно был вызван Батыем в Золотую Орду, откуда переправлен в Каракорум. Здесь, в монгольской столице, решались те вопросы, которые не могли урегулировать в Сарае. Остается только удивляться информированности монгольских ханов, которые были в курсе событий, происходивших в тысячах километров от их столицы.

По одной из версий, Ярослав умер на обратном пути. Это вполне возможно, так как большая часть его свиты также погибла по дороге в Каракорум и обратно. Вместе с тем, Плано Карпини утверждал, что русский князь был отравлен вдовой великого хана Угедея – матерью нового правителя Монголии Гуюка. Это тоже вполне вероятная версия, так как у монголов могли найтись веские основания убрать Ярослава, и эта версия даже выглядит более правдоподобной, поскольку летописец мог умолчать о реальной причине смерти князя, чтобы не «обидеть» татар.

Последние годы жизни Ярослава Всеволодовича совпали по времени с периодом взлета его сына Александра. В это время его основные усилия были направлены на защиту северо-западных рубежей.

В первой половине XIII столетия немецкие рыцари активно осваивали Прибалтику. Литовские племена, которые и раньше совершали набеги на русские земли, активизировали нападения на Смоленск, Полоцк и Новгород, а также Волынь.

Александр Ярославич пытался противостоять литовской экспансии. Он женился на дочери полоцкого князя Брячислава Александре и поддерживал тесные связи с семьей своей жены. Но ему все же не удалось отстоять Полоцкое княжество, которое первым из древнерусских земель было поглощено нарождающимся литовским государством во главе с Миндовгом.

Тем не менее, успехом Александра можно считать то, что литовцы прекратили набеги на Новгород и Псков.

Противостояние Литве и тонкая игра с Золотой Ордой были гораздо более значимыми делами Александра, чем прославившие его Невская битва и Ледовое побоище.

Примечательно, что о Невской битве ничего не говорится в шведских источниках, также о ней неизвестно из Лаврентьевской летописи, писавшейся в Суздальской земле. Единственный источник, сообщающий об этом событии, – Новгородская

летопись.

Ледовое побоище было более серьезным сражением, однако и его значение в русской истории, скорее всего, преувеличено. В то время общая численность Ливонского ордена могла составлять порядка сотни рыцарей. Основную массу войска, принявшего участие в битве на Чудском озере, составляла чудь, то есть, по-современному, эстонцы.

Ливонская хроника сообщает, что во время Ледового побоища погибли 20 рыцарей, еще шесть были взяты в плен. Даже если эти данные преуменьшены, в любом случае, нельзя говорить о том, что рыцари сотнями проваливались под тонкий апрельский лед во время сражения на озере.

Непростыми были отношения Александра с татарами. После смерти его отца Ярослава великокняжеский стол во Владимире занял, согласно старшинству, его брат Святослав Всеволодович, однако уже через год его изгнал племянник – младший брат Александра Андрей. Александр не мог смириться с этим, и потому все трое отправились в Сарай искать правды.

О судьбе Святослава больше практически ничего не известно, а Александр с Андреем отправились в Каракорум, так как, наверное, Батый не мог (или не хотел) решать спор братьев.

Зимой 1249 года Андрей и Александр вернулись из Монголии на Русь. Первый получил ярлык на княжение во Владимире, второй – «Кыев и всю Руськую землю», то есть Южную Русь, возможно без Галицкого княжества, права на которое незадолго до этого подтвердил в Орде Даниил.

Чем был определен такой выбор вдовы хана Гуюка, сказать трудно. Снова здесь можно только высказывать версии.

По одной из них, регентша Огюль-Гамиш не хотела усиления Батыя, к которому относилась враждебно, и, поскольку считала Александра близким к хану Золотой Орды, решила отдать великое княжение его брату Андрею.

По другой версии, монголы просто подтвердили волю Ярослава, который якобы завещал Александру Киев.

«Что же могло заставить Ярослава завещать старшему Александру Киев, а младшему Андрею – Владимир? Быть может, особенная любовь к Андрею, который оставался всегда при нем; быть может, также, что Ярослав, желая удержать и Южную Русь в своем роде, отдал Киев Александру, как более способному держать его», – рассуждает по этому поводу С. М. Соловьев.

По возвращении на Русь Александр пошел не в Киев, а в Новгород. По некоторым известиям, он все же собирался идти в Киев, но был удержан новгородцами, которые предостерегли его от опасности от татар на юге.

После этого события развивались следующим образом. Александр, так и не смирившийся с тем, что ему не достался Владимир, снова поехал в Орду – было это в 1252 году. Практически сразу и, главное, одновременно оттуда были высланы две карательные экспедиции, одна – под руководством Неврюя против Андрея, другая – под руководством Куремсы против Даниила Галицкого. В последнее время двое князей сблизились и даже породнились – Андрей женился на дочери Даниила.

Даниил без особого труда отбил атаку Куремсы, а Андрей был разбит и бежал за границу. На владимирский стол сел Александр.

Доказательств того, что именно Александр инициировал военную операцию против собственного брата и его тестя, нет, однако такой вывод напрашивается сам собой.

Лев Гумилев, например, утверждал, что между 1249-м и 1252 годами – то есть в описываемый период – на Руси произошло вооруженное восстание, подавленное татаро-монголами при молчаливом попустительстве Александра.

Вместе с тем, вполне возможно, что это было лишь стечением обстоятельств.

Тем не менее, фактом остается то, что после поражения Андрея Александр утвердился на великокняжеском столе во Владимире. Формально он оставался и князем Киевским, однако о каких-либо его контактах с южной столицей нам не известно.

Александр еще несколько раз ездил в Сарай, последний – в год восстания 1262 года. Очевидно, пишет Дж. Феннел, хан вызвал его для того, чтобы Александр объяснил свою неспособность держать в повиновении Русь.

Александр пробыл в Сарае до начала 1263 года. Там он заболел и на обратном пути в Русь умер. Ни в одном из источников не говорится о возможном отравлении в Орде.

Несмотря на спорное поведение Александра в отношении татаро-монголов, нужно констатировать, что в период его пребывания на великокняжеском столе в течение десяти лет ничего не известно о набегах ордынцев на русские (имеются в виду северные) земли. Восстание 1262 года также осталось почти безнаказанным. Однако была ли это заслуга Александра Невского, или на то была другая причина, история об этом умалчивает.

Наследовавший Александру Невскому на владимирском столе его брат Ярослав также считался князем киевским, однако, по мнению ряда исследователей, это недостоверная информация. В любом случае, Ярослав, как и его предшественники, занимался

исключительно делами Северной Руси, а вопросами юга не интересовался.

Он умер в 1271 году (или в 1272-м). С этого времени до первой половины XIV века практически ничего не известно о князьях в Киеве.

Как пишет Дж. Феннел, «по всей видимости, большая часть юга Руси находилась под строгим контролем татар, и для нее была характерна сильная раздробленность территории».

Как известно, в Киеве летописание надолго заглохло, а летописцы Северной Руси утратили какой-либо интерес к югу.

В 1260 году татары военачальника Бурундая разгромили Галицко-Волынское княжество, и оно стало, по сути, таким же вассалом Золотой Орды, как и Суздальская земля. Несмотря на некоторую формальную независимость, галицкие князья обязаны были теперь подтверждать свое право на стол.

При том, что у нас мало информации о княжеской власти в Киеве, что, вероятно, связано с ее формальным характером или вообще отсутствием, в избытке – данные о власти духовной.

Уже было сказано, что главные храмы Киева, за исключением Десятинной церкви, хоть и были, вероятно, повреждены, но продолжали действовать. Несмотря на политическую и социальную деградацию края, никто не ставил под сомнение духовное первенство старой столицы даже в условиях порабощения.

В 1250 году митрополитом Киевским стал Кирилл. Бывший печатник Даниила Галицкого (канцлер), он большую часть своей жизни был сподвижником Александра Невского.

Тем не менее, Киев играл в его жизни и деятельности значительную роль. Именно здесь он провел общерусский епископский собор, на котором были утверждены так называемые «Правила Кирилла». На соборе он также поставил епископом Владимирским архимандрита Киево-Печерского монастыря Серапиона. Это снова-таки подтверждает сохранявшееся влияние Киева на духовную жизнь всей Руси.

В 1283 году по смерти Кирилла «поставлен бысть на Киевъ и на всю Русь Максимъ митрополит Гречин (грек), патреархомъ Цареградскымъ». На следующий год он также созвал в Киеве собор епископов – «в лето 6792 позвани быша епископи вси Русскиа в Киевъ къ Максиму, митрополиту Киевскому и всеа Русии».

И хотя источники ничего не говорят о присутствии светской власти в Киеве, летописи просто изобилуют сообщениями о деяниях власти религиозно-духовной. В 1274 году «новогородцы Климента послаша съ предними мужи въ Киевъ къ Кириллу

митрополиту Киевскому и всеа Русии, ставитися въ епископи Новугороду», в 1288 году «преосвященный Максимъ митрополитъ Киевский и всеа Русии постави во святый Софии въ Киеве Иякова епископа Володимирю, и Суздалю и Новугороду Нижнему», в 1289 году Максим ставит Тарасия епископом Ростова, игумена Андрея «въ епископы во Тферь».

Вместе с тем, митрополит Максим был вынужден в 1300 году переехать во Владимир – «не терпя насилиа отъ татаръ въ Киеве иде изъ Киева и весь Киев розыдеся, а митрополитъ иде изъ Киева къ Брянску, а отъ Брянску иде въ Суздальскую землю и тако пришедъ съ крылосомъ и со всем житиемъ своимъ и сяде въ Володимери».

Глеб Ивакин абсолютно резонно замечает, что вряд ли причиной ухода митрополита из Киева была угроза со стороны татар, от власти которых Владимир-на-Клязьме также зависел.

Историк полагает, что перевод верховного иерарха во Владимир был связан со стремлением ордынских ханов помешать возрождению древней столицы и подорвать влияние Киева как потенциального центра антитатарских сил. Отчасти это, вероятно, верно. С другой стороны, нужно помнить, что тогда князья владимирские находились в полном подчинении у Золотой Орды, действуя беспрекословно по указанию ханов Сарая. Киев, хоть и был под полным контролем татаро-монголов, вероятно через наместников-баскаков, тем не менее, находился дальше от Орды, чем Суздальская земля.

К тому же, незадолго до переезда митрополита Даниил Галицкий после опасных заигрываний с курией принял от папы корону короля Галицкого, на западе усиливались позиции европейских феодалов, небезопасной силой становилась Литва. От всего этого подальше ханы Золотой Орды уводили духовного лидера завоеванной Руси.

Немаловажным также является тот факт, что во Владимире были крайне сильны антипапские настроения, и здесь было проще обезопасить православный клир от соблазна слияния с католичеством.

Несмотря на переезд, русская митрополия продолжала именоваться Киевской (и митрополит – Киевским). В 1325 году кафедра вновь переедет – на этот раз в Москву – и только с 1461 года появится титул митрополита Московского и всея Руси. Это станет ответом на разделение Русской православной церкви и образование в Киеве Западнорусской митрополии в 1458 году, которая тогда уже всецело зависела от окатоличивающейся Литвы.

Еще одной причиной перевода митрополичьей кафедры во

Владимир, как считает Феликс Шабульдо, было то, что Юго-Западная Русь, в том числе Киев, оказалась втянутой в междоусобную феодальную войну в Золотой Орде, поддержав в ней темника Ногая, который был безраздельным хозяином причерноморских степей, против номинального властителя Сарая – Токты. Вероятно, этот союз был во многом поневоле, так как южнорусские земли целиком зависели от Ногая.

С начала 70-х годов XIII века Ногай, которого ряд источников именует «царем», выступает в международных отношениях в качестве самостоятельной политической силы. Так, в 1270–1271 годы он вступил в переписку непосредственно с египетским султаном ал-Мальк аз-Захиром, в 1273 году взял себе в жены побочную дочь византийского императора Михаила VIII Палеолога Евфросинью, что дало ему повод вмешиваться в дела Византии, Болгарии и Сербии.

Образование в Северном Причерноморье улуса Ногая, вскоре приобретшего значение второго военно-политического центра Золотой Орды, усилило зависимость от нее близлежащих земель Юго-Западной Руси.

Первое военное столкновение Ногая с Токтой произошло в конце 1298-го – начале 1299 года на границе их владений где-то в низовьях Северского Донца. Поначалу военная удача сопутствовала Ногаю. Но Токта вернулся в Сарай, собрал войска и вновь выступил в поход на врага. Часть военачальников Ногая изменили ему. В решающей битве войска Ногая были разбиты, а сам Ногай погиб.

«Одной из первых жертв противоборства между Токтой и Ногаем стало Киевское княжество, подвергшееся опустошению во время похода ханских войск на правобережье Днепра», – пишет Шабульдо в монографии «Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского».

О киевских князьях конца XIII – начала XIV века практически ничего не известно. Даже номинальное княжение в Киеве Ярослава Ярославича Владимирского в 1263–1272 годах вызывает сомнение у ряда исследователей.

После него и вплоть до 1331 года источники вообще не упоминают ни одного киевского князя. Исключение составляет Любецкий синодик, в котором наряду с черниговскими князьями упомянут некий Иоанн-Владимир Иванович Киевский. При этом, кто он такой, откуда родом и когда правил этот князь в Киеве – если вообще это правда – не сообщается.

Вероятно, Киевом правили наместники, в том числе непосредственно представители Золотой Орды – баскаки. Баскаки, согласно толковому словарю обществоведческих

терминов Н. Е. Яценко от 1999 года, – представители (наместники) монголо-татарских ханов в завоеванных землях. Они контролировали местные власти и следили за тем, чтобы население сохраняло покорность победителям и выполняло их требования.

При этом ордынский контроль в лице баскаков сохранился в Киеве, очевидно, дольше, чем в Северной Руси, по крайней мере, таковы данные имеющихся в нашем распоряжении источников. Последний раз в Киеве присутствие баскаков фиксируется под 1331 годом, тогда как, например, в Новгороде последний баскак упоминается в 1269 году, в Курске – в 1284-м.

Опять-таки, в силу скудости информационных источников нам не известно, что конкретно происходило в Киеве и Киевской земле после завоевания татаро-монголами. Если ориентироваться на летописи Северной Руси, которые, видимо, к концу XIII века окончательно потеряли интерес к происходящему на юге, то можно констатировать, что татары установили совершенно невыносимые условия сбора дани. Тех, кто был не в состоянии платить, угоняли в рабство или на невольничьи рынки, мужчин силой рекрутировали в татарскую армию. На севере Руси против поработителей поднимались восстания, которые подавлялись, в том числе с помощью послушной русской знати. Очевидно, что и на юге происходило нечто подобное.

Не в последнюю очередь угнетенное положение местного населения способствовало успеху Литовского княжества в осуществлении экспансии на древнерусские земли во второй половине XII – первой половине XIII столетия.

Глава восьмая
СМЕНА ВЕХ

После нашествия татаро-монголов южная и северная части Руси все больше отдалялись друг от друга.

Грушевский пишет, что князь Ярослав, имевший ярлык на Киев в 1243–1246 годах, «был занят местными своими суздальскими делами, что ему совсем не до Киева было, и Киев жил под номинальным его правлением своей жизнью, а Ярославов наместник фактически ставал киевским старшим под непосредственным верховенством татар».

Историк приводит рассказ Плано Карпини о том, как у Куремсы он застал киевского сотника, который с товарищами ехал оттуда к Батыю, то есть вел себя как реальный правитель вверенной ему монголами земли.

Грушевский приводит еще ряд аргументов в подтверждение того, что Киев находился под прямым правлением Сарая. Так, он ссылается на Волынскую летопись, согласно которой в конце XIII века Галицко-Волынское княжество заканчивалось поречьем Горыни, «а дальше лежали земли татарские».

Отсутствие князей в Киеве также косвенно подтверждает Волынская летопись. Так, когда татаро-монголы принуждали русских князей участвовать в походах на Литву и Польшу, в перечне князей нет упоминания представителей Киева. Ордынцы послали в поход «всех заднепровских князей, Романа Брянского с сыном Олегом, Глеба, князя Смоленского, и других князей многих – ибо тогда все были князья в воле татар». Очевидно, что с упоминанием князя Брянского было бы логичным упомянуть и Киевского князя, если бы он был в то время.

«Киевщина превратилась в группу городских общин, которые находились лишь в слабой связи между собой под непосредственной властью татар. Время от времени в этих общинах могли появляться князья, особенно когда в конце XIII века начала развиваться анархия в Орде, и татарская политика не могла определяться постоянством и последовательностью. Княжичи из разных династий могли покупать или путем каких-либо протекций добывать себе ярлыки на Киев или на какой-нибудь киевский пригород», – отмечает Грушевский.

Такими князьями могли быть упоминаемые Любечским синодиком Иоанн-Владимир Киевский и Андрей Овручский, вероятно из путивльской ветви черниговского рода, которые могли княжить в конце XIII или в начале XIV века.

Таким был, возможно, и князь Федор – последний из известных нам князей киевских до литовского завоевания.

«Но все князья должны были играть совсем незначительную роль и против татарских воевод, и против местных общин, которые привыкли сами себе советовать и стояли в непосредственных отношениях с татарскими агентами, их княжения, скорее всего, имели более-менее эфемерный характер, и едва ли кому-то из них удалось овладеть Киевом для своей династии», – пишет Грушевский.

В связи с тем, что о князе Федоре практически ничего не известно, некоторые исследователи, опираясь на косвенные и не вполне достоверные факты, предполагали, что он принадлежал к литовской династии. Однако, скорее всего, литовцем Федор все же не был. В 1362 году его изгнал из Киева великий князь Литовский Ольгерд. С вокняжением его сына Владимира начнется новая пора в истории Киева – литовская.

Несмотря на взаимное отдаление Восточной и Западной Руси, полностью контакты между ними не рвались. Помимо уже упоминавшихся церковных связей были также и другие. Так, приблизительно в 1300 году на Москву из Киева ушел знатный боярин Родион Несторович, уведший с собой целый свой двор в количестве 1700 человек. Его сын – Иван Родионович по прозвищу Квашня – между прочим, участник Куликовской битвы – стал родоначальником известной фамилии Квашниных.

Как пишет в «Истории России» Георгий Вернадский, «политическое разделение Западной и Восточной Руси частично являлось следствием неспособности монгольских ханов обеспечить русским на западе надлежащую защиту от посягательств Польши и Литвы. Пока Западная и Восточная Русь находились под контролем хана, обе были частями одного политического образования, Золотой Орды. Но после падения Ногая золотоордынские ханы стали уделять меньше внимания положению в своих западных русских провинциях, чем контролю над Восточной Русью».

С приходом литовцев Киев, как и другие земли Южной Руси, не избавился в одночасье от зависимости от Золотой Орды. Киевляне были вынуждены и дальше выплачивать дань сарайскому хану, попадая, таким образом, под двойной гнет. Даже в конце XIV века помимо Киева «выходы» Золотой Орде давали Подолье, Волынь и Северская земля. Как пишет Глеб Ивакин, еще в середине XV века ордынцы собирали «ясаки» с целого ряда городов Киевской земли.

Часть вторая
КИЕВСКИЕ КНЯЗЬЯ ЛИТОВСКОЙ ПОРЫ

Глава первая
НОВЫЙ ИГРОК

Ослабленная внутренней междоусобицей и разорениями со стороны монголо-татар, Киевская Русь была легкой добычей для иноземных феодалов.

На севере отхватить часть русской земли пытались шведы и немецкие рыцари, на юге свою алчность проявляли Польша и Венгрия. При этом по всей западной границе от Новгорода до Карпат обозначился новый захватчик – литовцы.

Литовцы вместе с предками латышей и вымершими пруссами составляли балтийские племена, которые считаются наиболее близкими славянам. Ряд ученых даже выделяет особую балто-славянскую группу внутри индоевропейской семьи (традиционно это две группы). Считается, что славяне, происходящие из междуречья Одера и Вислы, придя на свои новые территории, вытеснили балтов, так что ареал обитания последних в Прибалтике был не первоначальным или, по крайней мере, не единственным в древности. В связи с этим наименование «балты» является весьма условным, тем не менее, оно прочно вошло в обиход, и именно с ним ассоциируются как современные народы литовцев и латышей, так и их предки.

Балтийские племена позже других народов Европы обзавелись государственностью. Так, у литовцев до XIII века не было никакой объединяющей политической власти. Различные племена имели вождей, но их власть распространялась лишь на незначительную территорию. Каждое племя самостоятельно осуществляло набеги на соседние земли, также по отдельности они отбивали посягательства со стороны чужаков.

«В половине тринадцатого столетия на западной окраине восточной европейской равнины стало слагаться новое государство; из неведомой почти до того времени лесной страны, залегавшей бассейн Немана, выдвигается воинственное молодое племя, сохранившее долее других индоевропейских народов черты самобытной дохристианской культуры арийцев», – так поэтично описывает становление литовской государственности Владимир Антонович в своем «Очерке истории Великого княжества Литовского до смерти великого князя Ольгерда».

Серьезной угрозой для литовцев с конца XII века стала экспансия немецких феодалов, действовавших под покровительством папской курии. Не имея собственной государственно-политической организации, литовцы и другие

балты нередко искали помощи у славян, которые были их ближайшими соседями.

Балтийские, в частности литовские, племена были известны в Киевской Руси очень давно. Некоторые из них упоминаются в «Повести временных лет». Еще в 983 году «иде Володимир на ятвяги (одно из литовских племен), и победи ятвяги и всю землю их». На литву ходили и сын Владимира Ярослав Мудрый, и другие киевские князья.

Литовские племена находились в зависимости от расположенного ближе всего к ним Полоцкого княжества, которое достигло своего расцвета при Всеславе Брячиславиче во второй половине XI века. Однако вскоре Полоцкое княжество пришло в упадок, и литовские племена не только стали независимы от него, но и, наоборот, сами начали захватывать отдельные его части.

С конца XII столетия литовцы начинают набеги на различные русские земли – Новгород, Псков, Смоленск, Волынь. К русским князьям приходит понимание, что появилась новая угроза, исходящая на этот раз не с востока, а с запада. Против литвы организуются военные походы. С литовцами сражаются волынские князья – Роман и его сын Даниил, в бою с литовцами погиб упоминаемый в «Слове о полку Игореве» городецкий князь Изяслав Василькович.

«…под давлением тевтонских рыцарей с Запада, литовцы рассеялись в южном и восточном направлениях, вступая в конфликт с русскими и, со временем, проникая в отдельные части западнорусских земель. В процессе приспособления к изменившейся политической ситуации литовские племена постепенно вышли из своей изоляции; на их социальную организацию и прежний образ жизни сильное воздействие оказал контакт с соседями, который оказался плодотворным для них во многих отношениях… Под влиянием тевтонской опасности многие литовские вожди кланов видели срочную необходимость в реформах, особенно – касающихся политического объединения и создания хорошо обученной армии. Многие из них также понимали необходимость создания укрепленных городов и развития торговли», – пишет Георгий Вернадский в книге «Монголы и Русь».

Литовские племена в середине XIII века объединил Миндовг. Впервые его имя упомянуто в 1219 году в связи с Литовско-Волынским мирным договором. Тогда он был одним из пяти литовских князей, подписавших договор (согласно Ипатьевской летописи, в 1215 году к князьям галицким было направлено посольство для заключения договора от имени двадцати

литовских и жмудских князей). С 1238 года Миндовг уже фигурирует как правитель всей Литвы. Он смог добиться власти в жестокой междоусобной борьбе.

Миндовг получил титул великого князя Литовского. Очевидно, ко времени нашествия на Восточную Европу полчищ хана Батыя, произошедшего в конце 1230-х – начале 1240-х годов, Литва уже представляла собой централизованное государство.

Территория Великого княжества Литовского к тому времени охватывала, помимо собственно Литвы, земли Полоцкого княжества – практически всю территорию современной Белоруссии. Столицей государства на начальном этапе был древнерусский город Новогрудок, заложенный еще во времена Ярослава Мудрого.

Миндовг вел войны с Ливонским орденом, с Галицко-Волынским княжеством, и в 1250-е годы заключил и с тем и с другим перемирия. Уступкой ордену стало крещение по латинскому обряду. Залогом дружбы с Даниилом стал Новогрудок, переданный Роману Данииловичу. Миндовг также выдал замуж за другого Даниилова сына, Шварна, свою дочь.

Даниил Галицкий вторым браком был женат на племяннице Миндовга. Вообще, отношения Великого княжества Литовского и Галицко-Волынского княжества были особыми. Даниил и его отец Роман, еще в бытность князьями только Волынской земли, нередко ходили в походы против в то время еще разрозненных, но уже довольно воинственных литовских племен. Вскоре литовцы стали более сплоченными, и теперь с ними необходимо было договариваться о мире, между правителями заключались династические браки.

Во многом судьбы этих двух княжеств и их правителей были похожи. Литва и Галицко-Волынская земля находились под постоянным давлением со стороны европейских феодалов. Для первой это были, в основном, немецкие рыцарские ордена и Польша, для второй – та же Польша, а также Венгрия и, в меньшей степени, рыцарские ордена. Даниил Галицко-Волынский и Миндовг Литовский, руководствуясь политической целесообразностью, пошли на сотрудничество с курией и приняли от папских легатов королевскую корону. При этом Миндовг даже перешел – ненадолго – в католичество. Даниил был близок к тому же, но, вероятно, из-за позиции европейских государей, которые не собирались активно противостоять татаро-монголам, окончательно отказался от идеи перехода в католицизм или хотя бы соединения православия с латинской верой. Уния, в конечном счете, произошла, в том числе в его родной Галиции (Галичине).

Миндовг был убит в 1263 году, через год скончался Даниил

Галицкий. Кстати, в 1263 году умер еще один выдающийся представитель той эпохи – Александр Невский. Как заметил в связи с этим русский историк С. М. Соловьев, «почти в одно время Восточная Европа лишилась троих знаменитейших своих владетелей».

Объединение литовских и русских земель под властью потомков Данииловых могло произойти на столетие раньше захвата Великим княжеством Литовским Юго-Западной Руси. После убийства Миндовга власть в Литве при помощи брата Даниила Галицкого Василька и Даниилова сына Шварна получил сын Миндовга Войшелк. Он был истовым верующим, принявшим христианство, в отличие от отца, по православному обряду.

Войшелк чередовал междоусобные войны с монашеством. В первый раз он удалился в монастырь в 1254 году. После обретения власти он сперва делил ее с Шварном, который был женат на его сестре, а затем и вовсе передал ему управление Литовским княжеством.

«Литва готовилась окончательно слиться с Русью под властию одного из сыновей Данииловых: в 1268 году Войшелк снова заключился в монастыре, отдав все свои владения зятю Шварну. Последний, боясь, как видно, возобновления внутренних волнений в Литве в пользу князей природных, уговаривал Войшелка покняжить еще вместе, но тот решительно отказался, говоря: «Много согрешил я пред богом и перед людьми; ты княжи, а земля тебе безопасна». Живя в угровском Данилове монастыре, Войшелк говорил: «Вот здесь подле меня сын мой Шварн, а там господин мой отец князь Василько (брат Даниила Галицкого), буду ими утешаться». Но он недолго утешался: Шварн умер бездетным, и литовцы снова вызвали Войшелка из монастыря для управления делами княжества; это возбудило вражду в брате Шварновом, Льве Данииловиче, которому хотелось быть наследником брату в Литве, а Войшелк не склонялся на его желание», – описывает события той поры С. М. Соловьев.

Войшелка и Льва хотел примирить авторитетный Василько Романович. Обоих он пригласил к себе во Владимир-Волынский.

«Маркольд, родом немец, старый советник короля Даниила, позвал всех троих князей к себе на обед; обедали весело, много пили, и Василько после обеда поехал к себе домой спать, а Войшелк поехал в Михайловский монастырь, где стоял. На этом дело не кончилось: Лев приехал в монастырь к Войшелку и стал говорить ему: «Кум! попьем-ка еще!» Тот согласился, и началась опять попойка, во время которой князья опять поссорились, от брани дошло до драки, и Войшелк был убит Львом», – пишет Соловьев.

Лев Даниилович, будучи братом покойного Шварна, предъявил претензии на литовский престол, однако не получил успеха в этом деле – литовцы выбрали себе единоплеменного князя. Так был упущен случай объединить Литву и Русь под властью русских князей.

Тем не менее, объединение произошло, но на этот раз – уже под властью Великого княжества Литовского, которое также стало и Русским.

Литва тоже вынужденно, и во многом благодаря Руси, столкнулась с Золотой Ордой.

Еще в 1255 году Даниил Галицкий вместе с литовцами Миндовга предпринял поход на подвластное татаро-монголам Киевское княжество. А через три года Даниил уже вместе с ордынцами напал на литовские земли.

«Хан Берке заменил Куремсу энергичным Бурундаем и снабдил его большим количеством войск. Бурундай решил сделать упор на разногласиях между русскими и литовскими князьями и избрал Литву объектом своего первого похода, предложив русским князьям оказать ему поддержку своими войсками. Начиная с этого момента монголы стали уделять значительное внимание литовским делам. По всей вероятности, они были озабочены растущей силой Литвы и распознали в ее экспансии, даже в этот ранний период, потенциальную угрозу их власти в Западной Руси», – отмечает Вернадский.

В очередной поход на литовцев князья Галицко-Волынские совершили в 1270-е годы вместе с фактическим владетелем западной части Золотой Орды Ногаем. В 1277 году Ногай прислал к русским князьям грамоту: «Вы все мне жалуетесь на Литву, так вот вам войско и с воеводою, ступайте с ним на своих врагов». В 1280-е годы была предпринята совместная русско-татарская кампания, направленная на захват Венгрии и Польши, однако она не принесла ощутимого успеха.

«Хотя монголы хорошо поживились в Польше, им не удалось захватить страну, и в начале 1287 года они возвратились в Галич и Волынь и вновь их разорили. Опустошение этих областей было столь же полным, как и киевских земель при Бату (Батые). В результате потерь населения и богатств власть князей из галицкого дома была настолько подорвана, что в процессе объединения Западной Руси их подчинили себе великие князья Литвы», – пишет Вернадский.

Таким образом, потомки Даниила Галицкого не смогли не только объединить под своей властью западнорусские и литовские земли, к чему созданы были все предпосылки, но сделали свои земли легкой добычей для иноземных завоевателей.

Непродолжительным периодом стабилизации было правление сына Льва Даниловича – Юрия I (1301–1308), который, как и его предки, носил королевский титул. Однако после его смерти ситуация снова ухудшилась. В 1323 году умерли оба сына Юрия I, и после этого Галицкий стол был предложен князю Болеславу Мазовецкому, сыну дочери Юрия Марии и князя Тройдена Мазовецкого. Его назначение подтвердил хан Узбек – формально Галицко-Волынское княжество оставалось вассалом Золотой Орды. Он стал править под именем Юрия II.

Тем не менее, монголы направили в Галицко-Волынскую землю войска, чтобы помешать экспансии Литвы и Польши. Но ее уже ничто не могло остановить. В конце 1330-х годов смоленский князь признал великого князя Гедимина Литовского своим сюзереном. Этим он выразил неповиновение власти монгольских ханов.

В 1240 году умирает Юрий II. Претензии на Галич выдвигают Польша и Венгрия. Польский король Казимир Великий заключил соглашение с венгерским королем Карлом Робертом, согласно которому Венгрия уступала Польше Галич с условием, что если у того не будет наследников мужского пола, он должен будет завещать его сыну Карла Роберта.

Галиция оставалась во владении Польши до смерти Казимира в 1370 году. Так как у него не было сыновей, то, согласно договору, она перешла под власть венгерского короля Людовика. Однако и у него не оказалось наследников мужского пола. В 1386 году польские вельможи устроили брак королевы Польши – дочери Людовика Ядвиги – с великим князем Литовским Ягайлом. Он был коронован на польском престоле, и Галиция окончательно перешла под власть Польши.

Поляки также претендовали и на Волынь, но сын Гедимина Любарт, княживший здесь, с помощью татаро-монгольских отрядов смог отстоять эту землю.

«Тогда как Узбек счел необходимым защитить Галицию от нападения польского короля Казимира Великого в 1340 году, его преемник Джанибек оказался не в состоянии отразить вторую атаку Казимира на Галицию в 1349 году, а только помог литовскому князю Любарту выбить поляков из Волыни», – пишет Вернадский.

Поляки продолжали наскоки на Волынь, литовцы отвечали разорительными рейдами в глубь польской территории.

«В 1377 году наследник Казимира, король Людовик, предпринял поход на Волынь с многочисленным польским и венгерским войском. Польское ополчение взяло Холм и, соединившись с венграми, осадило Белз. Во время этой осады,

затянувшейся на довольно продолжительное время… заключен был договор… определивший то распределение галицкого наследия между его соискателями, которое удержалось в последующее время в качестве окончательного решения спорного вопроса», – пишет Антонович.

Таким образом, некогда единое Галицко-Волынское княжество, ставшее одним из наиболее влиятельных государств Восточной Европы и, вероятно, самым могущественным из русских княжеств при князе Даниле Романовиче, к середине XIV века вновь распалось, оказавшись в руках Польши и Литвы. А соглашение, подписанное польским и венгерским монархами, стало основанием для претензий Австрии, в состав которой тогда входила Венгрия, на украинскую Галичину при разделе Польше в XVIII столетии.

Расширение границ Великого княжества Литовского активно продолжалось при Гедимине и его сыне Ольгерде. Белорусские земли к тому времени уже были присоединены, экспансия распространялась на княжества, которые впоследствии стали Украиной. Литве удалось захватить все украинские земли за исключением Галича, где утвердились поляки, и Закарпатской Руси, являвшейся частью Венгерского королевства. Кроме того, к Великому княжеству Литовскому отошел Смоленск. Менее удачными были попытки оторвать Псков и Новгород, несмотря на то что в обоих городах нередко сидели литовские князья или наместники.

Многие историки вообще не хотят называть распространение литовской власти на древнерусские земли завоеванием. Как отмечает киевский историк и археолог Глеб Ивакин, «среди факторов, которые объясняют ту легкость, с которой Литва сумела распространить свою власть на огромную территорию, которая значительно превышала ее собственные размеры, определяющую роль играли общие геополитические интересы». Этими общими интересами была защита от внешних врагов – немецких рыцарских орденов на западе и Золотой Орды на востоке.

Как пишет Феликс Шабульдо, «наибольших успехов в осуществлении своей экспансионистской политики литовские феодалы добились в последней четверти XIII – середине 60-х годов XIV века, то есть в период, когда в политическом строе Руси не был еще изжит полицентризм и когда само Литовское государство, отразив ряд нападений ханских войск, объективно являлось единственной в Восточной Европе организованной военно-политической силой, противостоявшей Золотой Орде. Именно тогда великие литовские князья применили для

идеологического обоснования своей экспансии заимствованную у феодальных кругов древнерусских земель политическую программу восстановления былого единства Руси, но уже под эгидой не Рюриковичей, а литовской великокняжеской династии».

Таким образом, Великое княжество Литовское расширялось преимущественно мирным путем. В этом процессе определенное количество удельных русских князей сохраняли свои отчины и большинство бояр – свои имения («чтобы от них отчины их не отнимал»).

«Боярство решило судьбу не только белорусских, но и украинских земель, а также смоленских городов и важных новгородских пригородов. Его поддержка обеспечила успех литовскому правительству», – подчеркивал В. Т. Пашуто.

Вместе с тем, в большинство княжеств на столы ставились представители династии Гедиминовичей. Впрочем, очень часто они сближались с местной знатью и становились выразителями местных интересов, что нередко приводило к их конфликтам с метрополией. Литовская знать активно перенимала русские обычаи, язык, переходила в православие.

Глава вторая
ПЕРЕХОД КИЕВА ПОД ВЛАСТЬ ЛИТВЫ

После разгрома татаро-монгольскими войсками в 1240 году Киев попал под прямое правление Золотой Орды, столицу которой – Сарай – основал на Волге внук Чингисхана Батый. Вместе с тем, как отмечают исследователи, Киевская земля не входила в состав монгольской державы.

Как уже упоминалось ранее, в городе, скорее всего, не было татарского гарнизона. Даниил Галицкий, направлявшийся в Сарай, встретил татар в Переяславле (современный Переяслав-Хмельниц-кий Киевской области), а папский посол Плано Карпини видел их в Каневе.

Отсутствие вооруженных отрядов объяснялось, вероятно, тем, что охранять-то особенно было нечего – по свидетельству очевидцев, население Киева после Батыева нашествия сократилось с 50 тысяч до двух тысяч. Часть жителей была убита, часть – угнана в плен (регулярные уводы в Орду происходили и позже), часть – разбежалась по округе и в другие земли, преимущественно на север, в Суздальскую землю и на запад – на Волынь и в Галич.

До конца не проясненным остается вопрос о том, как непосредственно осуществлялась власть в Киеве. Как уже было сказано, в состав Золотой Орды Киевская земля не входила, но ханы держали Киев под усиленным контролем.

Известно, что в Киеве были князья. Как и в других землях, они получали разрешение – ярлык – на княжение в Сарае. После нашествия киевскими правителями утверждались князья владимирские. Первым из них стал отец Александра Невского Ярослав Всеволодович, произошло это в 1243 году. Позже сам Александр Ярославич получил ярлык на киевское княжение, однако остался этим недоволен, так как хотел получить в удел Владимир, куда получил «распределение» его младший брат Андрей. Он, как и его отец, в Киев не ездил, в городе от имени князя правил наместник. Последний из известных нам киевских князей XIII века был брат Александра Невского Ярослав, который умер в 1271 или 1272 году. При этом ряд историков ставит под сомнение княжение в Киеве Ярослава Ярославича. Тем не менее, до конца столетия, а также в первой трети следующего, XIV столетия нам вообще не известно ни о каких князьях в Киеве.

Мнение историков различны в отношении того, почему ханы ставили в Киев владимирских князей, которые не стремились

оставлять родной Владимир ради некогда могущественной столицы. Некоторые из них считают, что Киев был в таком упадке, что ярлык на него был формальностью, чуть ли не оскорблением, чем, собственно, объясняется поведение Ярослава и его преемников.

Однако другие полагают, что это была тонкая игра правителей Золотой Орды. По словам Грушевского, князь Ярослав, имевший ярлык на Киев в 1243–1246 годах, «был занят местными своими суздальскими делами, что ему совсем не до Киева было, и Киев жил под номинальным его правлением своей жизнью, а Ярославов наместник фактически ставал киевским старшим под непосредственным верховенством татар».

«Назначая на киевский стол князей, которые, наперед известно, в Киев не приедут, хан таким образом оставлял столичный город без авторитетного политического руководства», – пишет в своей книге «Историческое развитие Киева XII – середины XVI веков» современный киевский историк Глеб Ивакин. Еще одним шагом по ослаблению Киева, по мнению Ивакина, был вывод из города митрополита – в 1300 году он переехал в лояльный Сараю Владимир.

Вероятно, долгое время в Киеве действительно не было князей. Грушевский ссылается на Волынскую летопись, согласно которой в конце XIII века Галицко-Волынское княжество заканчивалось поречьем Горыни, «а дальше лежали земли татарские» – именно там, как нам известно, начиналось Подолье, за которым лежала Киевская земля.

Любечский синодик упоминает некоего Иоанна-Владимира Ивановича Киевского где-то в начале XIV века, однако кто он такой, откуда родом и когда правил – в источнике не сообщается. Все это наводит на мысль о том, что это фигура мифическая.

О киевских князьях конца XIII – начала XIV века практически ничего не известно.

Вместе с тем, даже если рассказ Любечского синодика правдив, князья в Киеве вряд ли принадлежали к влиятельным фамилиям и уж точно не имели полноценной власти. Основное управление в городе осуществляли баскаки – наместники золотоордынских ханов.

Именно вместе с баскаком фигурирует в летописи под 1331 годом киевский князь Федор – они вместе с дружиной нападают вблизи Чернигова на новгородского епископа Василия, когда тот возвращался с Волыни, где митрополит Феогност посвятил его в сан. Взяв с епископа и его свиты «окуп», Федор отпустил его.

Личность этого князя является ключевой в вопросе о присоединении Киева к Великому княжеству Литовскому.

По одной из версий он мог быть сыном Иоанна-Владимира из Любечского синодика. По другой, он был двоюродным братом литовского князя Гедимина – Олгимунтом Гольшанским, который якобы принял православное имя Федор. Некоторые вообще утверждают, что это был родной брат Гедимина.

Утверждения о родстве князя Федора с Гедимином связаны с противоречиями относительно того, когда литовцы завладели Киевом.

Многие вполне авторитетные историки полагали, что это было именно при Гедимине в 1321 году. Рассказ об этом впервые появился в хронике Мацея Стрыйковского (издана в 1582 году). Сторонниками такой датировки были Татищев, Соловьев, Щербатов, Костомаров. В более позднее время Ф. Шабульдо также склонялся к версии о раннем захвате Киева вместе с другими украинскими территориями, однако, по мнению историка, Киевскую землю литовцам заново пришлось отвоевывать у окрепшей после междоусобицы Золотой Орды в 1360-е годы.

Если согласиться с версией о захвате Киева в 1321 году, то тогда нужно принять и мнение о том, что княживший в городе до 1361 года Федор был из рода Гедиминова, так как традиция ставить на княжеские столы литовских вельмож общеизвестна. Вместе с тем, очевидно, что Федор вел себя как вассал не Литвы, а Золотой Орды, – вспомним, ведь он напал на новгородского епископа вместе с татарским баскаком. Действительно, Гедимин послал в погоню за епископом Василием, так как он поддерживал другого кандидата – псковского представителя Арсения. Однако Василий, предупрежденный митрополитом Феогностом о преследовании, «бояся Литвы и иде съ посадники своими новгородцкими межи Литвы и Кіева» – то есть в летописи прямо говорится, что Киев не входил в состав Литовского княжества. Что же касается нападения на епископа, то оно не имело политического характера – князь Федор отпустил его, взяв с него выкуп. Если бы его сюзереном (да еще и родственником) был Гедимин, киевский князь не осмелился бы отпустить Василия.

Впервые с критикой такой датировки захвата Киева Литвой выступил Карамзин. Но лишь в 1880-е годы украинский историк Владимир Антонович расставил все точки над «і» в этом вопросе.

Антонович отмечает, что древнейшая литовско-русская летопись, составленная в первой половине XV столетия, перечисляя области, распределенные Гедимином в удел сыновьям, вовсе не упоминает о Киеве. Русские летописи XIV и XV столетий, равно как составители немецких, прусских и ливонских хроник, ничего не знают о походе Гедимина на Киев.

Единственный источник, в котором, как и в хронике

Стрыйковского, содержится рассказ о походе на Киев Гедимина, это Густинская летопись. Составитель этой летописи не заимствовал его у Стрыйковского. Оба хрониста черпали известия из одного общего источника – летописи Быховца, которая была составлена в XVI столетии.

Вот что говорит летопись Быховца: «…князь Гедымин пошол со всеми силами своими до Киева. Обляже город Киев, и Кияне почалися ему боронити, и лежал князь великий Гедымин под Киевом месяц. А затым здумали с собою горожане Киевские, иж моцы великого князя больш терпиты не могли без господара своего, великого князя Станислава Киевского, и услышали то, иж господарь их, князь Станиславль, утек от Гедымина, и войско все их господаря побито, и в них заставы никоторое князь их не зоставил, и оны, змовившися одномыслне, подалися великому князю Гедымину; и шедши з города со кресты: игумены, попы и дияконы, и ворота городовыя отворили, и стретили великого князя Гедымина честно, и вдарили ему чолом, и поддалися служити ему, и присягу свою великому князю на том дали, и били чолом, чтобы от них отчин их не отнимал; и князь Гедымин при том их зоставил, и сам честно в город Киев въехал».

К слову сказать, никакого князя Станислава другие источники, кроме восходящих к летописи Быховца, не знают.

В современной историографии преобладает мнение, что Киев перешел под власть Литвы в 1362–1363 годах, и произошло это при сыне Гедимина – великом князе Литовском Ольгерде. Большинство ученых не оспаривают факт завоевания Ольгердом Киева и других украинских земель. Вместе с тем Шабульдо считает, что в 1360-е годы литовцы были вынуждены повторно завоевывать Киев, тогда как первая попытка была предпринята Гедимином за 40 лет до этого.

«В 50-х гг. XIV в. Среднее Поднепровье пребывало в меньшей зависимости от Литвы, чем на рубеже 20—30-х гг. того же столетия, и даже в Киеве, управляемом, по-видимому, все тем же литовским (!!) князем Федором, Ольгерд не располагал всей полнотой власти», – пишет Шабульдо.

В том, что Литва владела Киевом, Шабульдо не сомневается, «…представляется бесспорным, что литовское великокняжеское правительство продолжало удерживать определенные позиции в поднепровском крае и в Киеве. В противном случае было бы трудно объяснить первоначальный успех предпринятых в первой половине 50-х гг. XIV в. Ольгердом попыток утвердить в Киеве в сане общерусского митрополита своих ставленников: сначала Феодорита (1352), а затем – Романа (1354)», – отмечает он.

Одной из главных причин якобы ослабления политического

влияния Литвы в Среднем Поднепровье и в Киеве в частности, по мнению Шабульдо, было усиление ханской власти. Как известно, во времена правления хана Узбека (1312–1342) и его сына Джанибека (1342–1357) Золотая Орда достигла своего наивысшего расцвета. Однако после убийства в 1359 году хана Бердибека, как уже говорилось, в Орде началась междоусобица, получившая в русских летописях название «Великая замятня». В период с 1359-го по 1380 год на золотоордынском престоле сменилось более 25 ханов.

Ольгерд действительно лоббировал своих ставленников на киевский митрополичий престол. Так, в 1354 году он решил утвердить в Киеве своего родственника по жене – тверитянина Романа, который был митрополитом Литовским, но, как говорит летопись, «не прияша его киеяне».

Завоевание Киева литовцами – единственное и окончательное – произошло в 1362-м либо в 1363 году.

В 1362 году Ольгерд разбил на берегах реки Синие Воды (левый приток Южного Буга) трех татарских темников: «В сие лето Олгерд победи трех царков Татарских и з ордами их, си ест, Котлубаха, Качбея, Дмитра; и оттоли от Подоля изгна власть Татарскую. Сей Олгерд и иныя Руские державы во свою власть прият, и Киев под Федором князем взят, и посади в нем Володымера сына своего; и нача над сими владета, им же отци его дань даяху».

Литва, помимо Киева, захватила Подолье, Черниговщину, Поднепровье и вышла к Черному морю.

Глеб Ивакин полагает, что Киев был взят до битвы у Синих Вод и что его захват мог быть одной из причин столкновения между Литвой и Ордой.

Историк считает, что значение битвы у Синих Вод до сих пор недооценено. По его мнению, произошедшее почти за 20 лет до Куликовской битвы, это сражение находится в тени этого события. Вместе с тем, отмечает историк, в результате этой битвы впервые от татарского ига были освобождены русские земли.

Литовский князь Ольгерд, по свидетельству современников, отличался выдающимися способностями. Как пишет Антонович, он умел пользоваться обстоятельствами, верно намечал цели своих политических стремлений, выгодно располагал союзы и удачно выбирал время для осуществления своих политических замыслов.

Летописи Северной Руси, не расположенные к Ольгерду из-за его постоянных попыток к захвату территорий, наделяют его нелестными эпитетами: «зловерный, безбожный, льстивый», однако и они не могут не удержаться от такой характеристики

князя: «…сей же Ольгерд премудр бе зело, и многими языки глаголаше, и превыде саном и властью паче всех: и воздержание имяше велие, от всех суетных отвращашеся, потехи, играния и протчих таковых не внимаше, но прилежаше о державе своей всегда день и нощь; и пиянства отвращашеся: вина, и пива, и меда, и всякого пития пиянственного не пияше, отнюдь бо ненавидяще пиянство, и велико воздержание имяше во всем; и от сего велик разум и смысл приобрете, и крепку думу стяжа, и таковым коварством многи земли и страны повоева, и грады и княжения поймал за себя, и удержа власть велию, и умножись княжение его паче всех, ниже отец его, ниже дед его таков бысть. Бе бо обычай Ольгерда таков, никто же не ведаше его, куды смысляше ратью ити, или на что збирает воинства много, понеже и сами тии воинственнии чинове и рать вся, неведяще куды идяше: ни свои, ни чужий, ни гости пришельцы; в таинстве все творяше любомудре, да неизыдет весть в землю, на неяже хощеть ити ратью; и таковою хитростию искрадываша многи земли, поймал многи грады и страны попленил; не столько силою, елико мудростью воеваше. И бысть от него страх на всех, и превыде княжением и богатством».

Вот еще одно описание Ольгерда, оставленное одним крестоносцем, которое приводит Антонович: «Князь имеет величественный вид: лице его румяно, продолговато, нос выдающийся, глаза голубые, очень выразительные, брови густые, светлые, волосы и борода светлорусые с проседью, лоб высокий, чело лысое; он росту выше среднего, ни толст, ни худощав, говорит голосом громким, внятным и приятным; он ездит прекрасно верхом, но ходит прихрамывая на правую ногу, потому обыкновенно опирается на трость или на отрока; по-немецки понимает отлично и может свободно объясняться, однако же всегда говорит с нами через переводчиков».

Еще в ранней молодости, за 27 лет до своего вокняжения в Вильне, Ольгерд женился на витебской княжне Марии Ярославовне и переселился в этот город, а два года спустя – после смерти тестя – стал княжить в Витебске. После смерти жены Марии он женился вторично – на дочери тверского князя Александра Михайловича Улияне. По свидетельству современников, из двенадцати сыновей Ольгерда десять были крещены по обряду православной церкви, две дочери Ольгерда, сведения о которых остались в летописях, были отданы замуж за русских князей.

Глава третья
ПОТОМКИ ОЛЬГЕРДА

Захватив Киев, Ольгерд оставил в нем править «Володимира, сына своего; и нача над сими владети, им же отци его дань даяху». Владимир был сыном витебской княжны Марии. Двое его родных братьев – Андрей и Дмитрий – были участниками Куликовской битвы. Их сводными братьями (сыновьями Улианы Тверской) были Ягайло, впоследствии король Польши, Скиргайло, преемник Владимира на киевском княжении, Свидригайло, будущий великий князь Литовский.

О более чем тридцатилетнем княжении в Киеве Владимира известно немного, что, по мнению Владимира Антоновича, естественно, «так как более продолжительная, первая половина его княжения относится к тому еще времени, когда русская народность не подвергалась опасности со стороны правительства великих князей литовских».

«Владимир Ольгердович не принимал участия в распрях, волновавших Гедиминовичей в других областях великого княжества, и, очевидно, предан был исключительно интересам своей земли. Из дошедших до нас известий видно, что он заботился весьма ревностно о судьбе православной церкви; кроме дарственных и подтвердительных грамот в пользу разных церквей, находившихся в пределах Киевской области, он известен вмешательством в дело об устройстве Русской митрополии», – пишет Антонович.

Владимир хотел вернуть в Киев митрополичью кафедру, которая с 1300 (или 1299) года находилась во Владимире-на-Клязьме, а с 1324 (1325) года – в Москве. В связи с этим он поддерживал митрополита Киприяна, не признанного московским князем Дмитрием Ивановичем Донским.

В годы правления Владимира Ольгердовича татаро-монголы практически не появлялись на Киевской земле, что положительно сказывалось на экономике края – сельском хозяйстве, торговле, ремесле, а также способствовало постепенному подъему политической и культурной жизни Киева.

Вместе с тем, Киевскому княжеству после прихода литовцев не сразу удалось избавиться от зависимости от Золотой Орды. О такой зависимости свидетельствует тамга на первых типах монет, которые чеканил Владимир Ольгердович.

При этом, как отмечает Глеб Ивакин, киевские монеты начинают чеканиться практически одновременно с литовскими и

московскими и раньше, чем тверские, новгородские, псковские, рязанские и суздальские.

Владимира Ольгердовича поддерживало местное боярство, которому он даровал ощутимые привилегии. «А волости киевские кияном держати, а иному никому. А ородки Киевские в нашей воли: кияном будем давати, кому ся будет годити. А киянина, как и литвина, в чти держати и во всех врядех (уряд, госдолжности) ни в чом не понизити», – говорилось в княжеской уставной грамоте. А также «…в церковные люди, в князские и в панские и в боярский, и в земли и во вси приходы не вступатися, а без права нам людей не казнити, а ни губити, а именей не отимати».

Согласно «Списку городов дальних и ближних» к Киевскому княжеству относился 71 город. Это, в частности, помимо самого Киева, – Житомир, Вручий, Туров, Могилев, Брянск, Трубачевск, Курск, Чернигов, Новгород-Северский, Рыльск, Путивль, Корсунь, Переяслав.

Свои грамоты киевский владетель подписывал так: «Се азъ князь великий Вълодимеръ Ольгърдовичь».

Он поддерживал дружеские отношения с землями Северной Руси, прежде всего с Тверским княжеством. Его дочь стала женой сына великого князя Тверского – Василия. Это была традиция, заложенная еще его отцом, который вторым браком был женат на тверской княжне. Ольгерд по просьбе князей Твери ходил воевать Москву.

Впрочем, отношения с Москвой Владимира Ольгердовича были более мирными. Братья Владимира – Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский – были участниками Куликовской битвы 1380 года, в которой русские полки под руководством Дмитрия Донского разгромили войско Мамая. Сам Владимир не участвовал в этом сражении, но, как считает Глеб Ивакин, «позиция киевского князя Владимира Ольгердовича и митрополита Киприана накануне и во время событий, связанных с Куликовской битвой, сделали заметный вклад в победу московских войск над Золотой Ордой».

В противостоянии Ягайла, короля польского, и Витовта, претендовавшего на власть в Великом княжестве Литовском, Владимир принял сторону первого. Очевидно, это было связано с тем, что Витовт, который стремился вывести Литовское княжество из-под власти Польши, обусловленной Кревской унией 1385 года, проводил политику консолидации подвластных ему территорий, к которым относилось и Киевское княжество.

Ягайло, в свою очередь, также старался заручиться поддержкой сводного брата. В период с 1386-го по 1389 год он чуть ли ни ежегодно присылает киевскому князю для подписи

грамоты, заключавшие в себе обязательство верности «regi, reginae et regno Poloniae». (королю, королеве и короне Польши).

В 1387 году Владимир Ольгердович находился при дворе Ягайла в Вильне, а в 1390-м – во главе киевского войска участвовал в осаде Ягайлом Гродно – резиденции Витовта.

Ситуация изменилась в 1392 году, когда Витовт по соглашению с Ягайлом стал наместником в Великом княжестве Литовском. Очевидно, что удельные князья – Владимир Киевский, Дмитрий-Корибут Северский, Федор Коритович Подольский, Юрий Святославич Смоленский и, возможно, ряд других – отказались присягать Витовту и платить ему дань, в связи с чем было принято решение о ликвидации этих удельных княжеств. С ведома и согласия короля Ягайла.

В 1393 году Витовт выступил на Киев с целью сместить Владимира Ольгердовича. «На весну князь великий Витовт иде и взя землю Подольскую, а князю Володимиру Ольгердовичю, тогда бывши в Киеве, и не всхоте покоры учинити и чолом ударити великому князю Витовту. Той же весны князь великий Витовт пойде и взя град Житомир и Вручий и приеха к нему князь Володимер. Тогож лета на осень князь великий Витовт выведе его из Киева и дасть ему Копыл, а на Киеве посади князя Скиргайла, сам же князь великий Витовт пойде на Подольскую землю. А князю Скиргайлу повеле идти из Киева ку Черкасом и ку Звенигороду. Князь же Скиргайло, Божиею помощью, великого князя Витовта повелением, взя Черкасы и Звенигород и возвратися паки ко Киеву», – повествует летопись.

Владимир был сослан в Копыль, что в современной Белоруссии. По одной из версий, он решил искать помощи у Василия Дмитриевича Московского, однако якобы политические отношения не позволяли последнему принять под свою защиту киевского князя. Владимир дожил свой век в Копыле, а его останки перенесли в Киево-Печерскую лавру.

Одновременно с удалением Владимира Витовт упразднил Киевское удельное княжество. Управлять городом он поставил Скиргайла Ольгердовича – единоутробного брата польского короля Ягайла.

Ягайло в 1388 году, как пишет Антонович, «не без долгого колебания» назначил Скиргайла своим наместником в Великом княжестве Литовском. Скиргайло был крещен по православному обряду и носил имя Иоанн. Он был «по убеждению, привычкам и симпатиям всецело предан русскому народонаселению, которое и признавало его своим представителем», – отмечает Антонович.

Но в 1392 году ему пришлось уступить великое княжение своему двоюродному брату Витовту. Этот последний опирался в

первую очередь на этнических литовцев, а также на помощь крестоносцев, для которых было выгодно разъединение Литвы и Польши.

«Витовт имел в виду совершенно самостоятельный образ действия, не согласный ни с видами короля Ягайла, ни с направлением представителей русской партии. Если, с одной стороны, он стремился к обособлению Великого княжества Литовского от Польши и снисканию ему полной политической самостоятельности, то, с другой, он считал необходимым прекращение раздробления государства на уделы и замену их управлением старост и наместников, назначаемых великим князем и зависимых от него непосредственно», – пишет Антонович.

Вместе с тем он осознавал, что без поддержки или хотя бы нейтралитета русской части населения его власть в Великом княжестве Литовском не может быть достаточно прочной. Поэтому, победив Скиргайла, он заключил с ним договор, по условиям которого, в вознаграждение за уступку великого княжения, он передал ему в удел Киевскую область.

Все источники свидетельствуют о взаимной симпатии Скиргайла и подвластного ему русского населения. Польские хроникеры отмечают преданность ему русского населения как своему единоверцу и сетуют, что Скиргайло гораздо больше способствовал распространению православия, чем веры католической, которая была господствующей в польско-литовском государстве. Русская же летопись называет его «чюдный, добрый князь Скиргайло».

В 1395 году Скиргайло совершил удачную военную операцию против Золотой Орды. Целью этого похода стало возвращение в пределы Киевской земли Поросья, которое, как пишет вслед за Шабульдо Глеб Ивакин, практически подчинялось Золотой Орде. Скиргайло, очевидно, воспользовался тем, что ханов Золотой Орды теснил могущественный Тамерлан, и «възял Черкассы и Звенигород и възвратися пакы к Кыеву».

Этот военный успех лишь добавил популярности Скиргайлу среди русского населения, которое уже начинало понимать, что новые хозяева – литовцы – будут не лучше прежних – татар, а, может быть, даже хуже, так как они посягали на православную веру.

Вокруг Киева, в котором правил Скиргайло, стала сплачиваться вся Западная Русь, находившаяся под Литвой. Как отмечает Владимир Антонович, «области и города присылали ему грамоты с изъявлением преданности и верности. Киев сделался центром Руси, с которым великий князь литовский должен был

считаться и принимать во внимание его интересы при установлении общего направления своей политики».

Такое положение вещей не могло нравиться Витовту. Именно его подозревают в организации отравления Скиргайла в 1396 году, которое, как предполагается, произошло во время пира у митрополичьего наместника на митрополичьем дворе Софии Киевской. В причастности к отравлению также подозревали митрополита Киприана, который к тому времени рассорился с Дмитрием Донским и всецело поддерживал Витовта.

Скиргайла с почестями и в большом горе похоронили в Киево-Печерской лавре.

После смерти Скиргайла Витовт решил управлять Киевом непосредственно через своих наместников. Первым таким наместником или воеводой киевским был один из самых приближенных и доверенных сподвижников Витовта – Иван Альгимунтович, князь Гольшанский («да ему держати Киев»).

Тем временем великий князь Литовский Витовт активно вмешивается в дела татарские. В княжестве в 1396 году нашел приют разгромленный соперниками некогда могущественный хан Тохтамыш. Его двор находился под Киевом – «…пребываше у Витофта въ Кіеве, питаяся и всю потребу свою исполняа, надеяся отъ него помощи, и тем хотяше паки пріобрести себе царство».

Витовт пообещал Тохтамышу помочь вернуться на ханство в Золотой Орде в обмен на поддержку своих притязаний на всю Русь, включая Московию, – «азъ тя посажу на царстве, а ты меня посади на великом княжении Московском и на всей Русскои земли». В то время, несмотря на успех, достигнутый во время Куликовской битвы, Московское княжество оставалось вассалом Золотой Орды.

Поначалу довольно успешная кампания Витовта против Орды закончилась полным разгромом. В августе 1399 года войска хана Тимур-Кутлука, который тогда правил в Золотой Орде, разгромили совместные силы Витовта и Тохтамыша в битве на реке Ворскле. В ней погибли Андрей Ольгердович Полоцкий, Дмитрий Ольгердович Брянский и Дмитрий Боброк Волынский, а также, как сообщает летопись, некий князь Иван Борисович Киевский. Последнего часто отождествляют с киевским наместником Иваном Альгимунтовичем Гольшанским, который, однако, упоминался в источниках и после 1399 года, в связи с чем ряд исследователей считают Ивана Борисовича фигурой вымышленной.

Сам Витовт был ранен в бою, но ему удалось спастись.

Одной из главных причин поражения, как считается, была неповоротливость сражавшихся на стороне Литвы польских и

немецких конных рыцарей в условиях маневренного боя в широкой степи.

Татары преследовали противников и разорили Киевскую землю. Активное участие в кампании, которая должна была принести Тохтамышу власть в Золотой Орде, не прошло даром Киеву. Хан Тимур-Кутлук «пришедъ самъ сталъ подъ градомъ подъ Кіевомъ», взяв город в осаду. Киев заплатил откуп в 3000 рублей, но татары все же разорили город. Отдельно было взято 30 рублей «окупу» с Киево-Печерского монастыря.

Новое нашествие ордынцев произошло в 1416 году. Ивакин полагает, что ордынцы продолжали мстить Витовту за поддержку Тохтамыша и его наследников, которые продолжали жить возле Киева. Могущественный темник Эдигей, являвшийся фактическим правителем Золотой Орды, захватил и разграбил город и сжег Печерский монастырь.

В 1430 году умер Витовт. Как пишет Антонович, «исторические источники молчат о Киеве до самой кончины Витовта…после которой вместе с преобладанием русской партии в Великом княжестве Литовском возвращается и политическая роль старейшего из русских городов».

Русская партия связана с младшим братом Ягайла и Скиргайла – Свидригайлом. Несмотря на то что он был католиком (сначала принял православие под именем Лев, но позже перешел в католицизм и взял имя Болеслав), он, как и Скиргайло, пользовался популярностью среди православных Великого княжества Литовского.

В 1408 году он ушел на службу в Москву к Василию I и получил в кормление несколько городов, в том числе Владимир-на-Клязьме – бывший главный город Северной Руси, но его владения были разорены все тем же Эдигеем, и Свидригайло вернулся в Литву. На родине он захватил Чернигов и еще несколько городов, а после смерти Витовта стал великим князем Литовским.

Поляки решили, что новый великий князь будет сговорчивее опасного Витовта, и заняли Подолье и Волынь. «Но оказалось, что, ведя многолетний спор с Витовтом, Свидригайло не имел в виду потери самостоятельности своего отечества и уступок в пользу Польши. Он еще резче, чем его предшественник, стал стремиться к разрыву с Польшей: посылал посольства и вступал в сношения с иностранными государствами от имени Великого княжества Литовского, заключал договоры от своего имени, исключая от участия в них Ягайла, и решительно воспротивился уступке областей, требуемых поляками», – сообщает Антонович.

Недовольная политикой Свидригайла Польша решила

устранить его с помощью заговора. В 1432 году представители польского короля вместе с литовскими дворянами, которым не нравилось заигрывание великого князя с русским населением, организовали заговор, в результате которого великим князем Литовским был объявлен Сигизмунд Кейстутович, брат Витовта. Свидригайло бежал в Полоцк и призвал на помощь русских князей.

После этого Великое княжество Литовское фактически распадается на две части: «Литва посадиша великого князя Жигмонта Кестутовича на великое княжение на Вилни и на Троцех (современные Вильнюс и Тракай), и князи рустии и бояре посадиша князя Швидригайла на великое княжение Русское», – сообщает летопись.

Источники характеризуют Свидригайла как энергичного деятеля, но не слишком умного, неуравновешенного и склонного к слепым порывам. Возможно, его недалекость и неуравновешенность были причинами его многочисленных поражений даже при очень благоприятных обстоятельствах, предполагает Глеб Ивакин.

Он терпел одно поражение за другим и, наконец, в решающей битве у Вилькомира 1 сентября 1435 года был разбит наголову. Многие его соратники были убиты и взяты в плен, был пленен, например, сын Владимира Ольгердовича Иван – брат будущего князя Киевского Олелька. Но война не закончилась. Свидригайло и остатки его партии нашли убежище в Киеве. Верное Свидригайлу Киевское княжество практически пять лет было независимым, успешно отбиваясь от нападений литовских войск. Обороной города успешно руководил воевода Юрша.

Русские феодалы решили убить великого князя Литовского Сигизмунда. Заговор был организован волынскими князьями Чарторыйскими, а фактическим исполнителем убийства стал некий киевлянин Скобейко. 20 марта 1440 года заговорщики проникли в Трокайский замок и убили Сигизмунда. Новым великим князем Литовским стал малолетний Казимир Ягайлович.

Великокняжеская литовская власть решила умилостивить русских феодалов, с тем чтобы они впредь не подрывали целостность единого государства. Еще в 1432-м и 1434 годах Ягайло и Сигизмунд издали привилеи, согласно которым православные феодалы уравнивались в правах с католиками. После гибели Сигизмунда воевода Вильны Ян Гаштольд, распоряжавшийся от имени малолетнего Казимира, решил восстановить удельные княжества, в том числе Киевское. Кроме того, были освобождены из неволи вельможи, поддержавшие Свидригайла. Среди них был Олелько Владимирович, который и

получил в княжение Киев. Сам Свидригайло вынужден был довольствоваться Волынью.

Глава четвертая
СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КИЕВ

Киев домонгольской поры располагался на площади около 400 га – эту цифру считают реалистичной практически все исследователи города. Население древнего Киева составляло порядка 50 тысяч человек. Киев, несмотря на некоторый упадок перед нашествием Батыя, как уже говорилось, все равно был самым большим городом Руси, в Новгороде, втором по численности, проживало 30 тысяч.

Разорение Киева татаро-монгольскими войсками было катастрофическим.

Есть основания предполагать, что после нашествия в городе осталось не более двух тысяч человек. В любом случае, даже через три столетия население Киева составляло где-то 4,5 тысячи, пишет в книге «Киев в конце XV – в первой половине XVII века» Наталия Билоус.

После татаро-монгольского нашествия жизнь в Киеве переместилась на Подол – ремесленный посад с портом, постройки в котором, в отличие от «элитного» Города Ярослава, были деревянными (в Верхнем городе также хватало деревянных построек, но дворцы и церкви в основном строились из камня). И в исторической науке возникла дискуссия, не утихающая до сих пор: продолжалась ли после этого какая-то жизнь на Горе?

Согласно одной из точек зрения, жизнь в Верхнем городе полностью замерла. Как цитирует (по-украински) Глеб Ивакин написанную в середине XX века книгу Л. Успенского и К. Шнейдера, «…в границах древних стен Владимирова и Ярославового городов на несколько столетий протянулся дикий пустырь, где среди бурьяна, а возможно и настоящего леса, в ужасном величии вздымались над безлюдной холмистой и овражистой местностью могучие стены брошенных роскошных сооружений и храмов. Жители покинули старую столицу. Волки выли и кукушки куковали там, где недавно шумела и дышала красота и гордость древней Руси. И запустение это продолжалось до XVI–XVII ст.».

Противники такого подхода были всегда. Еще в XIX веке Владимир Антонович высказался против подобной оценки. Он приводил сведения о том, что жизнь в Верхнем городе продолжалась и после нашествия, в частности в Святой Софии, а точнее – на ее митрополичьем дворе. Вместе с тем, даже он был вынужден признать «несомненный политический упадок

Киевской области» (хотя историк считает, что упадок этот был результатом событий, предшествовавших монгольскому нашествию, а именно – продолжительной борьбы княжеских родов за обладание киевским столом).

Более острожен в оценках наш современник Глеб Ивакин. Известный археолог отмечает, что проведенные во второй половине XX века археологические раскопки на Горе выявили (хоть и немногочисленные) находки, датируемые XIII–XV веками, то есть периодом после нашествия монголов, но до возрождения жизни в Верхнем городе в более позднее время.

Ивакин приводит данные о находках, которые могут свидетельствовать о том, что в разрушенной части города могла протекать какая-то жизнь.

«Сразу же после отхода Батыевых войск в 1240–1241 годах территория Верхнего города снова начала заселяться и отстраиваться. Жизнь здесь не прекращалась, но интенсивность ее значительно уменьшилась. Изменился социальный статус Верхнего города. Он перестал быть местом сосредоточения крупных и средних феодалов, но здесь находилась церковная верхушка», – пишет историк.

Вместе с тем, добавим от себя, отсутствие каких-либо сведений о том периоде в городе не дает возможности говорить об особенностях и масштабах заселения этой территории.

Выскажем предположение, что в Верхнем городе еще были жители – вероятно, связанные с церковными иерархами, так как многие храмы, пострадавшие от нашествия, в том числе Софийский собор, продолжали функционировать, а также, возможно, князья и зажиточные горожане, чьи дворцы и усадьбы могли избежать разорения во время захвата Киева Батыем.

Вместе с тем, следует отметить, что в сознании киевлян более позднего периода Киев отождествлялся исключительно с Подолом – лишь в XVII веке название стало иногда распространяться и на Верхний город. Но территория, прилегающая к Киево-Печерскому монастырю, не считалась Киевом даже в XVIII столетии. Как отмечает Наталия Билоус, в одной из городских книг за 1708 год сообщается, что некая Катерина Балычанка, «вдова, прежде бывшая жителка Печерска, а тепер в Киеве мешкаючая», продала свою недвижимость возле Воскресенской церкви.

Об упадке и заброшенности Верхнего города свидетельствует гибель большинства древних памятников. Очевидно, что одной из главных причин этого было Батыево нашествие 1240 года. Вместе с тем, отмечает Ивакин, влияние этого события не было столь прямым и непосредственным. «Памятники разрушались не

столько конкретно во время боев 1240 г., сколько во время достаточно длительного времени из-за отсутствия имеющихся ресурсов и средств, которые необходимы для функционирования какого-либо сооружения», – пишет историк.

Сильно сократившееся население Киева было не в состоянии содержать такое большое количество храмов, которое было в городе, да и не нуждались они в таком их большом количестве.

Огромный ущерб наносили пожары, а также другие чрезвычайные происшествия – землетрясения и наводнения. Очень существенным фактором был запрет 1455 года польско-литовских властей строить, ремонтировать и отстраивать православные церкви.

«Все это дает право утверждать, что главной причиной гибели большинства памятников древнерусского зодчества было уничтожение экономической базы Киева в результате разгрома города и всего древнерусского государства во время монгольского нашествия», – резюмирует Глеб Ивакин.

Киев медленно, но возрождался, однако его ждали новые испытания. Разорительное нашествие произошло в 1416 году. Ивакин полагает, что ордынцы продолжали мстить Витовту за поддержку Тохтамыша и его наследников, которые жили возле Киева. Как уже упоминалось, могущественный темник Эдигей, являвшийся фактическим правителем Золотой Орды, захватил и разграбил город и сжег Печерский монастырь. Как сообщает Густинская летопись, «оттоле Киев погуби красоту свою и даже доселе уже не може быти таков».

Здесь вновь появляется вопрос о том, разорил ли Эдигей только деревянный и густонаселенный Подол, или же его жертвой также стал богатый архитектурными памятниками, но почти безлюдный Верхний город?

Во второй половине XV века Золотая Орда прекратила свое существование, однако на юге появился не менее опасный, а может, даже более грозный враг – Крымское ханство. Во время нападения войск Менгли-Гирея в 1482 году город был сожжен и разрушен – «Мин-Кгиреи, Аж Кгиреев сын, славный великы град Киев, матерее градовом, добыл и жьжог», – сообщает об этом событии летопись. В результате мощного натиска пал киевский замок, который до этого считался неприступным.

Что же из себя представлял Киев в литовскую пору? Попробуем дать его описание.

Как уже было сказано, численность города после татаро-монгольского нашествия была невелика. Жизнь была в основном сосредоточена на Подоле, который, собственно, и именовался Киевом. Здесь, по средневзвешенным оценкам, проживало

порядка двух тысяч человек. Количество жителей, безусловно, варьировалось в зависимости от обстоятельств. Эпидемии, войны, нашествия, стихийные бедствия – все это серьезно сказывалось на демографической ситуации в Киеве. Тем не менее, город отстраивался, население прирастало за счет приезжих из Киевской области и других земель.

У нас практически нет сведений о топографии Киева в раннелитовский период. Более подробная информация появляется в XVI–XVII веках, однако вряд ли что-то сильно изменилось за это время.

Верхний город был мало населен. Другие территории древнего Киева – Копырев конец, Щекавица, Дорогожичи – вовсе не имели жителей и использовались как сельхозугодия. Отдельно лежали территории Печерского, Пустынно-Никольского и Выдубицкого монастырей.

Подол имел форму треугольника. Он был обнесен рвом и деревянной стеной с деревянными же башнями. Общая площадь обнесенного частоколом города составляла порядка 100 га. Реальная граница города со стороны Оболони, которая в то время была существенно ближе, чем сегодня, проходила в районе нынешних улиц Верхний вал – Нижний вал и Ярославской.

На Подол из Верхнего города вели две дороги – нынешние Андреевский и Владимирский спуски. Со стороны Печерского монастыря в Киев въезжали через Крещатицкие ворота, из урочища Кожемяки, которые примыкали к Замковой горе, – через Кожемяцкие. Дорога из Вышгорода вела через Бискупские (Иорданские) ворота, из Межигорского монастыря обычно въезжали через ворота Воскресенской (Быдлогонной) башни.

В городе преобладала хаотичная застройка. Как писал французский инженер Гийом Левассер Боплан, посетивший Киев в середине XVII века, «в городе есть только три красивые улицы, все же остальные, не будучи ни прямыми, ни правильно дугообразными, извилисты наподобие лабиринта».

Как писал побывавший здесь в 1584 году львовский купец Груневег, «идешь меж деревянных строений и заборов, как будто в многолюдном селе». Согласно его описанию, каждый двор имеет сад, огород и строения для скота. Также в домах киевлян были собственные бани, что удивило жителя Львова. «Они топят в них почти каждый день наподобие московитов, которые постоянно купаются», – отмечал он.

Боплан писал, что и дома в Киеве были по московскому образцу – преимущественно одноэтажные, низкие, сделанные из дерева.

Большинство киевских улиц не имели названий, в ратушных

книгах нередко просто указывались только имена владельцев домов.

Из-за частых пожаров топография Киево-Подола часто менялась, что объясняет неупорядоченность застройки и отсутствие названий улиц.

Тем не менее, улицы в Киеве все же были, и, как следует из свидетельств одного из гостей города, некоторые из них даже можно было назвать красивыми. Как полагает Билоус, «три красивые улицы», о которых говорит Боплан, это Большая, или Воскресенская, Крещатицкая и, вероятно, Спасская.

Большая улица (сегодня это, очевидно, Межигорская) вела от Воскресенских ворот к Рынку – центру города, который находился там, где сегодня расположена Контрактовая площадь. Крещатицкая улица, располагавшаяся приблизительно там, где сегодня проходит улица Сагайдачного, тянулась от Крещатицких ворот до Рынка. Спасская улица, существующая и в наши дни, шла от Днепра через Рынок к доминиканскому монастырю недалеко от Замковой горы.

Источники также называют Святодуховскую, Борисоглебскую, Армянскую, Бискупскую, Огиреанскую, Быдлогонную, Хмелевскую, Замковую улицы. По Быдлогонной улице, называвшейся также Выгонной, выгонялся скот на выпас за городские стены на сочные травы Оболони. Она, как и Большая улица, вела к Воскресенским воротам. Борисоглебская улица близка по расположению современной улице Братской, Бискупская – вела в Бискупское местечко, находившееся недалеко от замка и Замковой горы. Армянская улица находилась на территории армянского квартала в районе Рынка. В Киеве проживало достаточно много армян, у них была своя церковь, они в основном уже не знали своего языка и говорили на местном наречии, охотно смешивались со славянами.

Город был застроен беспорядочно, люди жили в нем скученно. Помимо частых пожаров настоящей бедой были эпидемии, в основном чумы. Летопись сообщает под 1352 годом: «Бысть мор силен зело в Смоленске, и в Киеве, и в Чернигове, и в Суждале, и во всей земле Русстей, смерть люта, и напрасна и скора». Эта запись отражает эпизод страшнейшей эпидемии, длившейся в Европе с 1346-го по 1353 год. Чума выкосила пол-Европы. Она не щадила ни простых людей, ни монархов – от болезни скончались король Арагона, королевы Кастилии, Наварры и Франции, князь Московский Симеон Гордый.

Уже после завоевания Литвой – в 1366 году – мор снова пришел в Киев. Князь, а тогда на княжении в Киеве был Владимир Ольгердович, воевода и другие представители власти, на два года

оставили город. И снова это был отголосок общеевропейской эпидемии 1360-х. Чума еще не раз опустошала Киев в последующие века.

Киевские ремесла, пришедшие в упадок после монголо-татарского нашествия, постепенно восстанавливались. В Киево-Подоле, в отличие от западных городов, не было улиц, связанных с ремесленниками отдельных цехов, хотя такие цеха существовали.

Из источников известны цеха кузнецов, жестянщиков, плотников, скорняков, сапожников, портных, седельников, рымарей, лучников, стрельников, резников, пекарей, цирюльников, ювелиров. Ремесленники работали в основном дома или при доме. Позже появилась тенденция работать прямо на торгу.

При этом в Киеве были и ремесленники-одиночки, которые были вынуждены работать скрытно и реализовывать свою продукцию в розницу, так как боялись возмездия как от властей, так и от цеховиков. Таких мастеров называли «партачами» – слово сохранилось до наших дней, от него же произошло современное понятие «напартачить», что означает «сделать плохо, как попало».

Многие ремесленники и другие жители города оставались, по сути, крестьянами, обрабатывая сады и огороды, сея хлеб, разводя скот.

В Киеве было развито пчеловодство и бортничество, леса возле города кишели дичью, а реки – рыбой, что способствовало таким промыслам, как охота и рыбалка. Источники сообщают, что в Днепре и других водоемах ловили щуку, карпа, леща, сома, белугу и даже осетра. Охотники могли получить в качестве ценного трофея куницу или бобра.

В городе и за его пределами имелось большое количество ветряных мельниц, которые приносили хорошую прибыль и потому принадлежали воеводе, шляхтичам и монастырям.

Активно развивалась торговля, поскольку Киев продолжал быть связующим звеном между русским севером и Причерноморьем, Европой и землями Азии.

К Рынку вели главные улицы Киева. На Рыночной площади был построен гостиный двор. Здесь находились торговые ряды и купеческие коморы. Городские весы и меры хранились в церкви Успения Богородицы Пирогощи, которая располагалась здесь же рядом.

Киев славился торговлей хлебом. Также активно продавали мясо, рыбу. Приезжие удивлялись, что в неприглядных домах киевлян было вдоволь продуктов.

Торговля съестным была прерогативой так называемых

«перекупок» или «перекупней», которые скупали, вероятно дешево, товары сельских жителей, а потом перепродавали, но уже дороже, на торгу, где они имели закрепленные за ними ряды. Киевляне также работали перевозчиками через Днепр, возничими, толмачами.

Город был одной из главных таможенных застав Великого княжества Литовского. Соль в Киев везли с черноморских лиманов и из Галиции – воз соли отдавали за 10 стрел, сделанных местными мастерами. Здесь продавались татарские кони, восточные пряности, а также вина, украшения, персидские ковры, дорогие ткани, кожаные изделия.

В Киеве действовало складское право, согласно которому заезжие купцы должны были в определенный срок распродавать свой товар. Нередко, чтобы не везти товар обратно, он распродавался по бросовым ценам. Кроме того, купцов обязывали ехать по определенным дорогам, ведущим к таможенным центрам, главным из которых был Киев. Нередко коммерсанты нарушали это правило, отправляясь в путь по Дикому полю, но там их поджидали разбойники всех мастей и национальностей.

Поскольку таможенные пошлины (мыто) взималось с каждого воза, купцы загружали их под завязку, и они нередко обваливались и ломались – благо городской рельеф этому способствовал. Все, что падало с воза, шло в пользу властей. С тех пор в Киеве (и не только) говорят: «Что упало, то пропало».

Территория возле Рынка считалась престижной, здесь обитала вся городская элита, и, соответственно, цены на недвижимость здесь были самыми высокими.

Позже на площади возле Рынка появилась ратуша, в которой располагалась городская власть – уряд, учрежденный дарованным Киеву в конце XV века великим князем Литовским Магдебургским правом. Руководство городом осуществлялось двумя коллегиями – лавой, которую возглавлял войт, и радой, члены которой по очереди выполняли функции бурмистра. Полномочия лавников и радцев в Киеве нередко пересекались, заседания обеих коллегий часто проводились совместно. Со временем городская власть получила название магистрат. Магдебургское (Майтборское) право было дано Киеву уже после окончательного упразднения Киевского удельного княжества. Оно сохранилось после присоединения украинских земель, в том числе Киева, к польской короне и даже просуществовало некоторое время после присоединения Киева к Российскому государству. На протяжении XVIII века права магистрата сужались, а выборы войта в конце концов превратились в чистую формальность. Окончательно Магдебургское право в Киеве было упразднено в 1834 году.

Разрушенный Батыем город долгое время оставался в развалинах, это касалось, в первую очередь, Горы, тогда как деревянный Подол довольно быстро вернулся к нормальной жизни. Во время господства Орды, очевидно, не возникало мыслей о действенной обороноспособности Киева – слишком незначительным стал город, ведь нам даже не известны князья, правившие им более полувека, если вообще они существовали, а имена тех, кого мы знаем, нам практически ничего не говорят. Владимирские князья, получавшие Киев в дополнение к своим вотчинам, сюда не наведывались, татарские баскаки, даже если и оставались здесь подолгу, вероятно, также не считали нужным укреплять киевские рубежи.

С приходом литовцев все изменилось. Они не стали восстанавливать разрушенные валы Верхнего города – население города существенно сократилось, да и военной силы не было для того, чтобы эффективно обеспечивать оборону по всему периметру старых укреплений.

«Литовские князья, овладев Киевом, устроили центр своего управления на новом месте; они выбрали для своего жительства одну из гор, стоящих отдельно от всего нагорного кряжа, и потому более безопасную от нападений; гора эта, названная впоследствии Киселевкой, по имени последнего польского воеводы, обитавшего на ней, Адама Киселя, находилась между старым нагорным городом и торговым Подолом», – отмечает Антонович.

Гора поднималась над Подолом на 70–80 метров. Она именовалась, как уже было сказано, Киселевкой, а также Замковой. Эта гора, находящаяся в непосредственной близости от старокиевских памятников, как предполагают историки, в древности была заселена, на что указывают археологические раскопки. Позднее она, вероятно, стала местом совершения обрядов и захоронения. Незаселенной она простояла до того времени, когда литовцы начали возводить на ней замок.

Точная дата строительства замка не известна. Принято считать, что это произошло в конце XIV столетия, вероятно во время княжения Владимира Ольгердовича.

Строительство замков и других укреплений на новых территориях вписывалось в концепцию великого князя Литовского Витовта, который «нача созидати грады (замки) многи, заруби Киев».

Согласно более поздним данным, в замке была резиденция киевского воеводы, однако не известно, жили ли в нем киевские князья до того, как было отменено Киевское удельное княжество. По некоторым данным, киевские князья предпочитали жить в

собственном замке на левом берегу Днепра напротив Подола. Можно вспомнить, что князь Михаил Всеволодович, вернувшийся в Киев после нашествия Батыя, также жил на Днепре вне стен древнего города. Вместе с тем нельзя с определенностью говорить, что это тот же замок.

Очевидно, киевский замок был неплохо укреплен. Так, в 1416 году войско ордынского темника Эдигея разгромило Киев, однако цитадель оказалась для него неприступной – «единаче замку тогда не може взяти в Кіеве Едика».

Как был устроен первоначальный замок, каков был его вид и кто в нем жил – неизвестно. Сведения о нем, а точнее о его преемнике, появляются после того, как деревянная крепость была разрушена во время нашествия в 1482 году крымского хана Менгли-Гирея – «пріиде Менгли-Гирей царь Крымскій Перекопьскіа Орда со всею силою своею на королеву державу и град Кіев взя, и огнем сожже».

Для постройки нового замка, который был возведен на месте старого, были вызваны «добродеревцы з верху» – более 20 тысяч человек из разных земель Великого княжества Литовского, а также 40 тысяч войска во главе с трокским воеводой Богданом Адриевичем (Андрушковичем) для охраны работников. Но замок получился с изъянами, которые пришлось ликвидировать. Вновь были согнаны работные люди, и на этот раз, как свидетельствуют источники, замок был «добре зароблен и поставлен так, как яко бы мело быть».

Замок строили из сосны. На его стенах были 15 башен: одна – четырехугольная, остальные – «на шесть углов округло». Башни были в три этажа, и каждый этаж был снабжен бойницами, «вси вежи с подсябитьем (выдвинутая вперед часть башни с отворами для сбрасывания камней, выливания горячей смолы на нападающих), а покрытьем добрым, с помосты с столъбами, с стрельбами земъными, середними, верхними, и выведены дахи стенъные повышей».

Часть деревянных стен заполнялись утрамбованной землей – для прочности, другие оставались полыми, и тогда в них размещались служебные помещения. Кроме того, деревянные стены были облеплены толстым слоем глины.

В двух башнях помещались ворота – одни выходили на север, напротив горы Щекавицы, они назывались «Воеводиной брамой», другие были обращены к югу и носили название «Драбская брама». «Небольшая площадка перед этими воротами (Драбскими), находившаяся вне замковых укреплений, на уступе горы, составляла лобное место, на котором приводились в исполнение смертные приговоры», – сообщает Антонович. Также в

стене замка была небольшая калитка, ведшая на Подол, она была «замъкнена завъжды, так в день, яко в ночи».

На одной из башен, которая выходила в сторону Подола, находились городские часы-куранты, за ними присматривал специальный мастер. Антонович пишет, что это был один из пушкарей, умевший обращаться с часовыми механизмами. Он получал немалое жалованье. Как пишет историк, киевляне очень дорожили этими часами.

«На внутренней площади замка теснились многочисленные постройки: здесь был дом воеводы, ротмистра, командовавшего гарнизоном, 30 домов, в которых помещались солдаты; затем здесь же находился «шпихлер», в котором сберегали порох, ядра, пули, свинец и т. п., и «шопа», в которой хранилась крепостная артиллерия, состоявшая (в 1545 г.) из 17 пушек и около 100 гаковниц. Кроме этих зданий в замке находилось три православные церкви, в том числе важнейшая, по преимуществу, «замковая церковь св. Николая», и одна католическая каплица, имевшая, вероятно, значение дворовой церкви воеводы, если последний был католиком. Сверх того, более знатные лица из числа земян и мещан добивались постоянно возможности иметь свои дома в замке», – пишет Антонович.

Внутри замка также были склады, пекарни, бани, позже появились корчмы. На территории замка также находилась тюрьма. Важное значение, особенно во время осад, имел глубокий, около 30 метров, колодец.

Стены замка в основном были обнесены рвом. В некоторых местах, где склоны горы были особенно крутыми, в этом надобности не было. Там, где враг не мог подойти вплотную к стенам, они, как правило, не заполнялись землей. Вместе с тем с распространением огнестрельного оружия замок уже не казался таким неприступным, а его местоположение – столь стратегически безупречным.

Были и другие недостатки, связанные с рельефом. Так, практически все, что происходило в замке, можно было увидеть с горы Щековицы, поскольку Замковая гора была несколько наклонена в эту сторону. На юге, за Драбскими воротами, к Замковой горе близко подходил отрог Старокиевской горы – «может человек каменем з руки докинути», а на Андреевском спуске была гора Уздыхальница, более высокая, чем Замковая, и ее пришлось срыть – произошло это в 1617 году.

Особенности рельефа нередко становились причиной разрушений замка – дожди и вызванные ими водные потоки подмывали грунт, что приводило к оседанию и деформации стен. Замок неоднократно ремонтировался. Капитальный ремонт был

проведен при князе Пронском городничим Иваном Служкой в 1541 году, состояние замка после этих работ зафиксировано в ревизорской люстрации 1552 года.

Тем не менее, замок был обречен. Как писал в 1596 году посетивший Киев польский дипломат Рейнгольд Гейденштейн, деревянный замок, господствующий над городом, не заслуживает своего названия, так как был заброшен и совершенно сгнил.

Таким был Киев литовской поры. Разделение на Верхний город, Подол и Печерск сохранялось еще очень долго (оно ощущается даже до сих пор, хотя не имеет такого значения, как раньше). Новые укрепления Киева строили казацкие гетманы – укреплялась в основном территория Печерска. Новую киевскую крепость в 1706 году заложил Петр I. В 30-е годы XIX века крепостные сооружения в очередной раз были расширены.

Глава пятая
МЕЖДУ ОРДОЙ, МОСКВОЙ И ВИЛЬНО

Если до середины XIII века Русь была главным политическим игроком в Восточной Европе, то к концу столетия ситуация кардинальным образом поменялась. Набеги половцев на юге, булгар и других волжских народов на востоке, чуди на севере и литовцев на западе доставляли немало хлопот русским князьям, наносили ущерб стабильности пограничных территорий, однако не играли определяющей роли в раскладе сил в регионе. Излишне говорить, что поворот произошел после сокрушительного нашествия монголо-татар в 1237–1240 годах.

Отличие монголов от тех же половцев состояло в том, что вторые не имели государственности, тогда как первые создали державу в непосредственной близости от русских границ. Кроме того, монголо-татары были несравнимо более сильными и организованными, чем половцы. Если половцы, используя постоянные княжеские распри, выступали на стороне то одного, то другого русского феодала, то ордынцы сами заставляли князей вместе с их дружинами сражаться в ханской армии, зачастую за тысячи километров от родины. Русские дружины в составе татаро-монгольских войск нередко заносило на Кавказ и даже в Среднюю Азию. Кроме того, Золотая Орда практически сразу же провела перепись населения в русских княжествах, чтобы иметь точные данные для взимания дани.

Несмотря на некоторые различия в отношениях с Ордой, в целом тенденция была одинакова: и Северная, и Южная Русь были вассалами золотоордынских ханов, находились от них в полной зависимости и выплачивали им дань.

На западе, воспользовавшись вызванной тяжелейшим поражением от татаро-монголов слабостью, к русским землям все активнее начало «присматриваться» Великое княжество Литовское. Путем захватнической экспансии вместе с заключением династических браков Литва прибрала к рукам значительную часть древнерусских земель – нынешних Белоруссии и Украины – и уже замахивалась на Новгород, Псков, Тверь и даже Москву.

К концу XIV века Великое княжество Литовское и Золотая Орда стали наиболее сильными государствами региона, именно на это время приходится расцвет обеих держав. Но в борьбу двух, как бы сейчас сказали, супердержав стали вмешиваться возвысившиеся из общей массы русских земель Тверское и

Московское княжества. Владимир, Новгород, не говоря уже о Киеве, не играли какой-либо заметной роли в этом процессе. Тверь и Москва, находившиеся до монгольского нашествия в тени своих более древних собратьев, смогли подняться в новых условиях и потихоньку начали диктовать свои условия в этой сложной игре.

Вот примерно такой была международная обстановка того региона, в котором находился Киев и окружающая его территория. Именно в сфере интересов этих держав оказалась древнерусская столица во второй половине XIV столетия. Завершался переход Киева и Киевской земли от Золотой Орды к Великому княжеству Литовскому, в Москве с 1324 (1325) года находилась кафедра митрополита Киевского, поэтому она, так или иначе, влияла на происходящее в Киеве. Тверь в частых распрях с Москвой находила союзников в Литве и Орде. Между Литвой и Ордой, Москвой и Тверью – как на двустороннем уровне, так и в более сложных конфигурациях – имели место противостояния и периоды дружбы, которые отражались на судьбе Киева.

Литовский князь Ольгерд хотел одолеть Москву с помощью Золотой Орды. В 1349 году он отправил посольство в Орду, предлагая хану Джанибеку союз против московского князя Симеона Ивановича, однако Симеон сам прибыл к хану и расстроил планы Ольгерда. Литва и Москва заключили мир.

Воспользовавшись междоусобицей в Орде, Ольгерд отхватил у татар подвластные им земли – Киевщину, Северщину, Подолье. На некоторое время Литва стала хозяйкой на обширных пространствах вплоть до низовий Днепра с выходом к Черному морю.

Ольгерд также предпринял наступление на другие русские земли – Смоленск, Новгород, Псков и Тверь, которые находились в сфере влияния московских князей. Это привело к нарушению заключенного ранее мира. В 1368 году Ольгерд вторгся в пределы Московского княжества и даже подошел к стенам Кремля, однако вскоре ушел, не добившись какого-либо результата. Походы на Москву повторялись в 1370-м и 1372 годах. Они имели переменный успех и завершились очередным перемирием. При этом Литва утратила контроль над Тверским княжеством. Во все эти дела активно вмешивалась Золотая Орда, взявшая на себя роль арбитра.

Как отмечал Антонович, «в княжение Ольгерда соперничество Литвы с Москвой в их взаимном стремлении к подчинению себе русских земель, лежавших вдоль восточной границы Великого княжества Литовского, в Новгороде и Пскове склонялось более в

пользу великих князей Московских, в Твери завершилось полным торжеством Москвы, в Смоленске, напротив того, утвердилось преобладающим образом влияние литовское, и, наконец, Брянск и Северщина совершенно подчинились власти Ольгерда и были присоединены к его владениям».

Довольно легкое и практически мирное присоединение русских земель Великим княжеством Литовским объясняется многими учеными значительными антиордынскими настроениями на этих территориях. Эти же тенденции стали причиной определенного сближения великих княжеств Литовского и Московского.

В 1374 году московский князь Дмитрий Иванович прекратил выплачивать ханам дань, как предполагают историки, в связи с тем, что распоряжавшийся в то время в Орде темник Мамай потребовал повышенных выплат. С целью консолидации общерусских сил в том же году был проведен княжеский съезд в Переяславле-Залесском.

Феликс Шабульдо полагает, что в этом съезде принимали участие князья не только Северо-Восточной Руси, но и те, что находились в зависимости от Литвы. «Отражая ход последующих событий, источники указывают на причастность определенных феодальных кругов восточнославянских земель Великого княжества Литовского к объединительной и антиордынской политике Москвы, характеризуя одновременно их как противников попыток литовских великих князей укрепить власть над этими землями с помощью государственных уз», – пишет он.

Неизвестно, кто из князей Юго-Западной Руси присутствовал на съезде в Переяславле-Залесском. Возможно, допускают ученые, на нем был киевский князь Владимир Ольгердович, решительно выступавший за ликвидацию зависимости от Золотой Орды. Шабульдо считает, что отношение к съезду 1374 года имели чернигово-северский князь Дмитрий Ольгердович и полоцкий князь Андрей Ольгердович (впоследствии участники Куликовской битвы).

«Таким образом, – пишет Шабульдо, – состоявшийся в конце ноября 1374 г. в Переяславле-Залесском съезд феодальной знати явился важной вехой на пути политического объединения княжеств Руси вокруг Москвы и активизации их борьбы за свержение ордынского ига и одновременно положил начало более тесному сотрудничеству феодалов восточнославянских, в том числе подвластных Литве, земель во имя достижения их общих внешнеполитических целей. В этом смысле съезд стал реальным воплощением давних стремлений населения этих земель к единству и совместному выступлению против Орды, а также

отпору экспансии литовских феодалов».

Как видим, то, чего никак не удавалось достичь в XIII веке во время нашествия татаро-монголов, почти через полтора столетия стало, наконец, реальностью.

Такое единение русских феодалов (часть из которых были потомками литовской знати, как, например, Ольгердовичи) не могло не беспокоить тех, против кого были направлены усилия участников и сторонников съезда в Переяславле-Залесском, – Литву и Орду. На фоне общей угрозы между ними возникает ситуативный союз. Во время Куликовской битвы на воссоединение с Мамаем шел с войском великий князь Литовский Ягайло. По одной из версий, он не успел к битве, по другой – не рискнул вступать в бой из-за того, что большую часть его воинов составляли выходцы из русских земель, которые могли поддержать единоплеменников.

Потомки Мамая, который был убит в Крыму вскоре после поражения в Куликовской битве, переселились в Литву, от них произошли князья Глинские, сыгравшие не последнюю роль в истории Украины, Белоруссии и России.

В Золотой Орде к власти пришел Тохтамыш, который до этого вел борьбу с Мамаем и потому поддерживал московского князя, а в Литве Ягайло сверг с престола его дядя Кейстут, который проводил курс на сближение с Москвой. Вскоре Ягайло вернул себе власть при помощи Тевтонского Ордена и Золотой Орды.

Вместе с тем, Ягайло вскоре изменил свою позицию и пошел на сближение с Дмитрием Донским. Более того, по соглашению, которое было подписано в 1384 году, «великому князю Дмитрию Ивановичу дочь свою за него (Ягайло) дати, а ему, великому князю Ягайло, быти въ их воле и креститися в православную веру». Объединение Великих княжеств Литовского и Московского привело бы к появлению в Восточной Европе сильнейшего государства, чего не могли допустить другие игроки – Польша, Орден, а также Золотая Орда, в которой утвердился Тохтамыш. В результате Ягайло на следующий год подписал с Польшей Кревскую унию и, женившись на польской королеве Ядвиге, стал польским монархом. Тохтамыш же, добившись устранения своего соперника Мамая, подверг жестокому разгрому Москву.

Ставший великим князем Литовским Витовт после утверждения Ягайла на польском престоле проводил сложную внешнюю политику, балансируя между Москвой, Ордой и Орденом.

Во время борьбы за Великое княжество Литовское он несколько раз искал убежище во владениях Тевтонского Ордена. Вместе с тем, уже утвердившись в Литве, он в Киеве заключил

тайное соглашение с сыном московского князя Василием Дмитриевичем, который возвращался через литовские земли из Золотой Орды, где он находился в заложниках. Это соглашение получило полную силу со вступлением Василия в полномочия князя Московского в 1389 году, оно было закреплено браком Василия с дочерью Витовта Софией.

Вскоре хан Тохтамыш был разбит войсками могущественного Тамерлана. Когда-то великий Тимур помогал Тохтамышу в его борьбе за власть в Золотой Орде, однако теперь они оказались врагами. Тохтамыш убежал во владения Витовта – в Киев, здесь он, по-видимому, и обитал со своим двором. Витовт пообещал Тохтамышу вернуть власть в Золотой Орде, а в обмен хотел получить ханский ярлык на все русские земли.

Планы Витовта расстроило поражение в битве на Ворскле. Разгром 1399 года вынудил его отказаться от амбициозных планов по завоеванию всей Руси. Он вынужден был искать союза с Польшей и признать польского короля своим сюзереном. Вскоре Витовт вернул себе уверенность. Он воевал с Москвой, несмотря на родство с московским князем, и активно поддерживал сепаратизм против Москвы Твери, Новгорода, Пскова, Рязани. На юге он отнял у Орды Нижнюю Подолию, вернув Литве выход к Черному морю. Здесь он настроил крепостей, в том числе Хаджибей, на месте которой впоследствии будет построена Одесса. На западе политика Витовта также была успешной – в 1410 году объединенные польско-литовские войска разгромили немецких рыцарей, что привело к утрате Тевтонским Орденом гегемонии в регионе.

Сокрушительное поражение Тохтамыша от Тамерлана не могло остаться без последствий для Орды – вскоре она распалась на несколько государств: сперва выделилось Сибирское ханство, затем – Ногайская орда (не путать с кочевьями темника Ногая XIII века), Казанское, Крымское, Астраханское ханства и некоторые другие. Преемницей Золотой Орды на некоторое время стала так называемая Большая Орда, именно ее хан Ахмат в 1480 году попробует вернуть утраченное за время междоусобиц влияние на русские земли. Попытка окажется неудачной. Многие, вероятно, помнят репродукцию картины Маковского «Иван III топчет ханскую басму» в учебнике по истории. Вот тогда, собственно, как считается, Русь окончательно избавилась от татаро-монгольского ига.

Москва, Московия, Россия постепенно будет захватывать все территории, некогда входившие в состав Золотой Орды. Падут и Астраханское ханство, и Казанское, и, наконец, Сибирское. Дольше всех продержится Крымское ханство – оно будет

присоединено к Российской империи в XVIII веке. До этого времени крымчаки будут наводить ужас своими набегами и на Москву, и на Литву, и, конечно же, на Киев.

Кстати, великие князья Литовские вплоть до середины XVI столетия, когда Литва объединилась с Польшей в Речь Посполиту, будут получать ярлыки от крымских ханов, как до этого получали их от правителей Золотой Орды, – пусть это и была формальность, так как литовские князья нередко сами ставили в Орде нужных им ханов.

Важную роль во взаимоотношениях Литвы и Москвы, которые отражались на судьбе Киева, играли дела церковные. Несмотря на разгром и разорения полчищами хана Батыя, Киев оставался местом пребывания митрополита Киевского и всея Руси. Но, как известно, в 1300 году митрополичья кафедра переехала во Владимир-на-Клязьме, который возрождался быстрее Киева. Еще через четверть века митрополит переселится в Москву, которая к этому времени уже начала свое возвышение.

При этом митрополия, независимо от того, где реально находился митрополит, называлась Киевской. Попытки выделить отдельную митрополию из общерусской предпринимались давно. Сперва, еще до монгольского нашествия, Андрей Боголюбский добивался создания Владимирской митрополии. Затем, уже когда кафедра переехала во Владимир, потомки Даниила Галицкого активно создавали Западнорусскую митрополию. Она просуществовала буквально несколько лет, и снова объединительные тенденции победили.

После захвата русских земель во главе с Киевом великие князья литовские пытались повлиять на церковные дела, так как большая часть их подданных относилась именно к Киевской митрополии православной церкви. Снова была образована отдельная митрополия на территории Великого княжества Литовского, но вновь была воссоздана единая Киевская митрополия.

Литовские князья искали пути к сотрудничеству с митрополитом. Так, Ольгерд уговаривал митрополита Алексия переехать в подвластный ему Киев. Митрополит Киприан, то ссорящийся, то снова мирящийся с московским князем, имел длительные контакты с Ягайлом и Витовтом. Другой митрополит – Фотий, занявший кафедру после смерти Киприана, также поддерживал с Витовтом хорошие отношения и, возможно, обещал ему переехать в Киев. Особенно плодотворным было сотрудничество Витовта с племянником Киприана – Григорием Цамблаком. Он был митрополитом Литовским и активно поддерживал идею создания унии с католиками. В 1458 году

произошел окончательный раскол русской церкви – одна ее часть закрепилась в Москве, дав начало Московской церкви, получившей со временем автокефалию, другая осталась в Литве и в подчинении Константинополю. Это разделение имеет отголоски и в наше время. Когда большая часть Украины в XVII веке вошла в состав Российского государства, Москва без согласия Константинополя фактически перевела под свой контроль Киевскую митрополию. Сегодня, когда звучат призывы к отделению украинского православия от Московской патриархии, отказ Вселенского патриархата признавать за Москвой право на каноническую территорию Украины используется как один из аргументов для таких действий.

Действия Витовта на востоке были довольно успешными, несмотря на поражение в битве на Ворскле. Орда сама переживала не лучшие времена, и Литва смогла довольно быстро восстановить силы.

Витовт продолжал попытки распространить свое влияние на все русские земли. Сложнее всего, безусловно, было с Москвой. Но Псков с Новгородом тоже не сдавались, лишь Тверь и Рязань признали его сюзереном.

Усилив свои позиции на востоке, Витовт попробовал свои силы и в международной дипломатии. В 1429 году он провел в подвластном ему Луцке, как бы сейчас сказали, саммит. На съезд прибыли император Священной Римской империи Сигизмунд, король Польши Ягайло, несколько русских князей, а папа римский, византийский император, король Дании, Тевтонский Орден, господарь Молдавии, князь Московский, Орда прислали своих представителей.

На повестке дня съезда были отношения католической и православной церквей, отношения Литвы и Польши, связанных унией, турецкая угроза Византийской империи, гуситское сопротивление. Интересы сторон были столь различными, что никаких реальных решений принято не было. Польша блокировала практически все предложения, мотивируя это своей безопасностью. Ее позиция подтолкнула императора Священной Римской империи к тому, чтобы пообещать Витовту корону литовского короля. Однако он не дождался коронации, скоропостижно скончавшись на следующий после съезда год.

Как пишет Георгий Вернадский, «со смертью Витовта и в Литве, и в Московии начался длительный политический кризис. Если бы Золотая Орда была единой и сильной, татары легко могли бы воспользоваться ситуацией. Но они были разобщены и только время от времени усиливали неурядицы в литовских и московских делах». Более того, многие татарские князьки охотно

шли на службу в Литву и Москву. Когда-то могущественная Золотая Орда, державшая в страхе и повиновении в течение двух столетий соседние государства, сходила с политической арены, уступая дорогу новым игрокам.

Согласно источникам, Витовт в последние годы своей жизни часто и подолгу находился «во велицемъ граде Киеве». В городе он продвигал интересы этнических литовцев, ограничивая права местных феодалов. Именно во время правления Витовта началась открытая экспансия католичества на православные земли.

После смерти Витовта русская знать решила вернуть утраченные привилегии, именно с этим можно связать популярность свергнутого с великого княжения Литовского Свидригайла Ольгердовича, которому прочили титул великого князя Русского.

Занявший в конечном итоге литовский престол Казимир, сын Ягайла, пошел на ряд уступок православным подданным.

Его отношение к Москве характеризуют как неприязненное. Тем не менее, это не стало поводом для каких-то серьезных конфликтов. В 1449 году Казимир и московский князь Василий II заключили мирный договор, который соблюдался до конца XV века. После смерти Казимира война все-таки началась. В ходе этой войны в начале XVI века от Великого княжества Литовского отложились Смоленск и Северская земля.

При Казимире в 1458 году была учреждена Западнорусская православная митрополия с центром в Киеве, которая получила достаточно большую свободу от светской власти. Не подчинялась она, естественно, и митрополитам, которые назначались в Москве.

Литва все больше окатоличивалась, сближалась с Польшей, окончательное объединение с которой произойдет в 1569 году. Русскую знать, в том числе киевскую, которая сохраняла верность православию, не могла устраивать такая ситуация, в связи с чем время от времени предпринимались попытки отделить русские земли от Литвы и Польши.

Глава шестая
ПОСЛЕДНЯЯ ДИНАСТИЯ

Одним из «примирительных» действий по отношению к православному населению стало восстановление Киевского удельного княжества. Это произошло в 1440 году. Княжеский стол занял сын некогда «выведенного» из Киева Владимира Ольгердовича Олелько (Александр).

О его 15-летнем княжении в Киеве известно немного. По тем скудным источникам, что до нас дошли, можно заключить, что он продолжал политику своего отца по укреплению автономии Киевской земли от Великого княжества Литовского, отстаиванию прав православных и вел войны с татарами, которые продолжали набеги на южнорусские территории.

Как пишет исследователь киевской старины Владимир Антонович, «по свидетельству современников, князь этот отличался выдающимся умом, стойкостью и храбростью и пользовался всеобщим уважением».

Он был женат на дочери московского князя Василия Дмитриевича и Софьи Витовтовны Анастасии, сестре Василия II Темного.

Как отмечает Антонович, Олелько, происходивший из одной из старших линий Ольгердовичей (его мать была первой женой Ольгерда), мог оспаривать по династическим счетам права на великокняжеский стол у потомков Ягайла (сына второй жены Ольгерда). «После смерти Витовта многие русские князья предлагали избрать его великим князем Литовским», – сообщает историк. Однако это было до его вокняжения в Киеве.

Отношение его к православной церкви и неприятие унии известно. «В 1441 году митрополит Исидор, возвращаясь с Флорентийского собора, заехал в Киев с целью провозгласить здесь унию, но киевляне, увидев его «в кардинальской одежде, оттуда изгнаша его». Как известно, такая же участь постигла Исидора и в Москве, и Казимир Ягайлович, уступая представлениям князя Олелька, признал власть новопоставленного в Москве митрополита Ионы над русскими епархиями, находившимися в пределах Великого княжества Литовского», – сообщает Антонович.

Олелько и его семья поддерживали тесные связи с Москвой. Есть версия, что его дети росли в Москве при княжеском дворе. Глеб Ивакин предполагает, что именно вокруг Олелька Владимировича группировались русские (украинско-белорусские)

феодалы, оказывавшие поддержку Василию II Темному в его борьбе с Василием Косым и Дмитрием Шемякой за московский престол.

Семья Олелька также имела тесные связи и с молдавскими господарями. Его дочь Евдокия вышла замуж за Стефана Великого. «Привезли жену тому Стефану воеводе из Киева, сестру Симеона, царя Киевского [титул царя мог быть элементом лести, но также и отражением реального международного авторитета киевского князя]», – сообщают молдавские летописи. Кроме того, дочь Стефана была замужем за князем Михаилом Олельковичем.

Родственные связи с Москвой и Молдавией способствовали тому, что Олельковичи стали посредниками между двумя державами в деле заключения исторического брака между дочерью Стефана Великого – Еленой Волошанкой – и сыном Ивана III. «Стефан Великий просил Феодосию Олельковну через ее брата Михаила и брата ее мужа Ивана Юрьевича Патрикеева «бить челом великой княгине Марии» и великому князю Ивану III о заключении брака между его дочерью Еленой и Иваном Ивановичем Молодым», – пишет Глеб Ивакин.

Этот брак, отмечает исследователь, «семейно связывал московских великих князей с киевским княжеским домом и давал определенные основания московской великокняжеской власти претендовать на титул «государя всеа Руси».

Олелько скончался в 1455 году, приняв перед смертью монашество. Когда его два сына – Симеон и Михаил – обратились к великому князю Казимиру Ягайловичу с просьбой разделить между ними Киевскую землю, тот отказался признавать Киев вотчиной Олельковичей и отдал его лишь в пожизненный лен старшему из братьев, Симеону, а Михаилу передал в вотчину Копыль и Слуцк в Белоруссии.

«Симеон Олелькович отличался, подобно предкам своим, преданностью православию и русской народности; притом, обладая военными дарованиями и храбростью, он оказал важные услуги Киевскому княжеству, отражая с большим успехом нападения Крымской Орды, наносившей в XV столетии самые тяжелые удары Киевской области и разорившей в несколько приемов стольный ее город. Во внутренних отношениях Великого княжества Литовского Симеон Олелькович занимает то положение, которое возлагали на него и семейные его традиции, и занимаемый им пост киевского удельного князя, – он является постоянным поборником и представителем русских народных интересов», – такую характеристику дает последнему киевскому удельному князю Владимир Антонович.

Одним из последних важных дел Симеона стало

восстановление Успенской церкви Киево-Печерского монастыря, разрушенного в 1416 году войсками Эдигея. Он обновил церковь, «едва не от основания воздвигши… украсил ее иконным писанием и обогатил златом, и сребром, и сосуды церковными».

Во время правления Олелька и Симеона Киевское княжество пользовалось относительной самостоятельностью. «Этот период политической жизни Киева характеризовался стабильностью, дальнейшим развитием экономической и культурной жизни города», – пишет Глеб Ивакин.

Кроме того, представители этой семьи имели большой авторитет у всей литовской аристократии. Так, русские вельможи дважды просили Казимира Ягайловича, который был не только великим князем Литовским, но и польским королем, назначить Симеона Олельковича своим наместником в Литве. Казимир оба раза отклонил это предложение, но, как пишет Антонович, «значение Олельковича смутило его: он постановил принять меры для того, чтобы унизить этот род, стоявший уже в лице трех поколений во главе русского движения, и с этой целью решился отнять у него главную его опору – Киевское княжение, для чего выжидал лишь удобного случая».

Поэтому неудивительно, что после смерти Симеона Казимир решил вывести Олельковичей из Киева: он не передал княжение ни брату Симеона Михаилу, ни его сыну Василию, а отдал Киев под управление воевод, назначаемых великим князем. В качестве первого воеводы был послан Мартин Гаштольд. Впрочем, киевляне не пустили в город воеводу-католика и отправили посольство к королю, прося назначить правителем Киева Михаила Олельковича или другого князя православной веры. Король остался непреклонным, Гаштольд снова отправился в Киев вместе с литовским войском. Киевляне «принуждены бывша» подчиниться присланному воеводе.

Когда умер Симеон Олелькович, его брат Михаил находился в Новгороде. По приглашению новгородцев и с разрешения своего сюзерена Казимира он взял на себя полномочия наместника Новгорода, который ожидал столкновения с Москвой. Михаил как представитель Литвы и одновременно родственник московских князей был идеальной кандидатурой на новгородское наместничество. Тем не менее, ему пришлось непросто, так как в городе происходила непримиримая борьба между сторонниками унии с католической Польшей и приверженцами союза с Москвой.

Михаил недолго пробыл в Новгороде, однако с ним в этом городе связана любопытная история.

В его свите в Новгород прибыли несколько еврейских купцов, вероятно из Крыма. Ничего удивительного в этом нет – купцы

всегда искали в попутчики хорошо вооруженные посольства. Новгород был известным торговым городом и сулил большие возможности для купцов.

Среди них был некий Схария Скара, как считается – караим, которого называли чуть ли не астрологом и каббалистом. Именно с ним связывают так называемую ересь «жидовствующих», которая поразила в конце XV – начале XVI века Новгород, а потом и Москву. Более того, под влиянием «жидовствующих» находился некоторое время сам великий князь Московский Иван III. Нет смысла в этой книге подробно останавливаться на данной теме – ей посвящены многочисленные труды различных авторов. Отметим лишь, что, вероятно, роль этого Схарии Скары в распространении ереси была преувеличена. Он, наверное, действительно обладал определенными познаниями в Святом Писании, в том числе и в Ветхом Завете, что соответствует его вере. Учитывая тот факт, что в Новгороде торговля находилась под покровительством церкви, не удивительно, что влиянию «ереси» подверглись в первую очередь церковники. Новая «ересь» также была слишком уж похожа на «стригольничество», которое еще не было забыто в Новгороде. Стригольники отвергали церковную иерархию и монашество, выступали против симонии, отвергали таинства.

Этот Схария вряд ли ставил перед собой цель «совращения» отцов церкви, думается, что его задачей было налаживание торговых связей. Лишь Татищев сообщает, что Схария был казнен среди прочих еретиков. Вероятнее всего, это было не так. Надо полагать, что этот Схария был на самом деле неким Захарией Гвизольфи – потомком еврейской генуэзской семьи, которая имела владения в Крыму и в Тамани. Этот Захария состоял в переписке с Иваном III, который приглашал его в Москву, куда он, впрочем, так и не добрался, оказавшись, в конце концов, на службе у крымского хана Менгли-Гирея.

Хорошее, даже теплое отношение Ивана III к Захарии может объясняться рекомендацией со стороны Михаила Олельковича, который находился в родственных связях с первым и был знаком со вторым. Впрочем, это лишь версия.

Сам же Михаил Олелькович недолго находился в Новгороде. Он отправился в Киев, как только узнал о смерти брата. Однако, не получив Киева, он вернулся в свой Копыльский удел.

В Великом княжестве Литовском снова начались притеснения православных, что возбуждало общее недовольство русских князей. В результате в их среде родился заговор, целью которого было либо отложиться к Москве (версия, которую поддерживают в основном российские историки), либо создать собственное

независимое государство (эту версию поднимают на щит украинские исследователи).

Во главе заговора стояли двое внуков Владимира Ольгердовича Киевского – князья Федор Иванович Бельский и Михаил Олелькович. Кроме того, как говорят некоторые источники, заговорщики вообще хотели сместить с великокняжеского престола Казимира и поставить вместо него Михаила Олельковича.

«В 1481 году заговор предположено было привести в исполнение: князь Федор Бельский, празднуя свою свадьбу, пригласил на празднество Казимира; здесь, во время пира, заговорщики должны были овладеть его особой. Случайно, за несколько дней до осуществления, заговор был открыт, слуги Бельского арестованы и под пыткой дали показания, компрометировавшие князей. Узнав об аресте своих слуг, князь Федор Бельский вскочил ночью с постели и, полуодетый, бросился на коня и ускакал за московский рубеж», – пишет Антонович.

Другие заговорщики – князь Иван Ольшанский и Михаил Олелькович – были арестованы и заключены в темницу в Киеве. 30 августа 1482 года оба они были казнены на лобном месте перед киевским замком.

Еще одна попытка отделить русские земли от Литвы была предпринята в 1508 году группой аристократов во главе с князем Михаилом Львовичем Глинским. Этот князь происходил из знатного рода, ведущего свое происхождение от самого Мамая. Глинские имели обширные имения в Киевском княжестве на левом берегу Днепра, а также в бассейне Припяти, в Белой и Черной Руси.

Михаил Львович Глинский был выдающимся представителем своего времени. Всю молодость он провел за границей, вначале занимаясь науками, потом состоя на службе у разных европейских правителей. За границей он приобрел репутацию хорошего военного. Вернувшись в пределы Великого княжества Литовского, он сразу занял видное место среди местной аристократии. Он был среди тех русских князей, которые добились того, что на великокняжеский престол был поставлен Александр Казимирович, что способствовало обособлению Литвы от Польши. Михаил Глинский сблизился с новоизбранным великим князем. Свое влияние он направил на укрепление русской партии. Литовская католическая партия с раздражением смотрела на то, как русские получали влияние, должности и земли, роптала, но безрезультатно. Литовские шляхтичи пытались скомпрометировать князя Глинского, обвиняя его то в

желании узурпировать власть в Великом княжестве, то в намерении отделить Киевское княжество, то в попытках отложиться к Москве.

Однако пока был жив великий князь Александр, эти обвинения не приносили плодов.

После смерти Александра давление на Глинского стало возрастать. Осознав, что законным путем он не сможет доказать свою невиновность, он решил сделать то, в чем его обвиняли недруги, – заручившись поддержкой московского князя Василия Ивановича, решился отторгнуть от Литвы русские земли. Он направил в Киев своего брата Василия, которого жители города встретили крайне радушно – «киевляне полагали, что пришло время, когда город их опять станет главой обширного русского княжества», – пишет Антонович.

Однако в белорусских землях Великого княжества Литовского идея отделения не встретила поддержки. «В землях этих преобладало сословие земян (т. е. мелких дворян, обязанных государству военной службой), которое давно уже свыклось с мыслью о всевозможных сословных благах, которые низольются на него при развитии в Литве польского права. Земяне Северо-Западного края не были воодушевлены, подобно киевским, национальным стремлением и предпочли сословные выгоды от ожидавшейся унии с Польшей восстановлению народной политической самобытности; они остались глухи к призыву Глинского или отнеслись к нему враждебно», – отмечает Антонович.

Польские войска приближались, помощь московского князя все не шла, Глинский понял, что его дело проиграно. Ему не оставалось ничего другого, как покинуть пределы Великого княжества Литовского. Новое пристанище он нашел при дворе московского князя. Во время русско-литовской войны за Смоленск он хотел переметнуться к Сигизмунду, но был разоблачен и заточен в темницу. После того как его племянница Елена Васильевна вышла замуж за великого князя Московского, Глинский вышел на свободу. Однако жизнь свою он все равно окончил в заточении – туда его теперь отправила та же племянница – правительница Московии, мать Ивана Грозного Елена.

А Литва тем временем катилась к своему краху. Власть великого князя была значительно ограничена в пользу Магнатской Рады, которая фактически стала верховным органом власти в стране. В Литве практически установилась анархия.

«В Московии постепенно складывалось централизованное царское самодержавие. В Великом княжестве Литовском,

напротив, в конце концов установилось аристократическое правление», – пишет Вернадский.

«Москва и Литва давали противоположные ответы на вызов сходной геополитической среды. В то время как в Москве шел центростремительный процесс, ведший к усилению власти великого князя и его столицы, в Литве шел центробежный процесс, результатом которого было уменьшение власти великого князя и расширение прав местных князей и панов», – вторит Вернадскому еще один русский историк-иммигрант Михаил Геллер («История Российской империи»).

Немаловажным фактом было то, что интересы польской и литовской шляхты, а также магнатов Литвы и Польши далеко не всегда совпадали. Так называемая русская знать часто была на распутье, не зная, кого поддерживать – поляков или литовцев.

Польша все активнее распространяла свое влияние на литовские земли, в том числе на Киев. В 1569 году была подписана Люблинская уния, согласно которой Польское королевство и Великое княжество Литовское объединялись в единое государство – Речь Посполиту. При этом Великое княжество сохраняло некую автономию. Белорусские земли остались с Литвой, а вот украинские – Волынь, Подолье и Киевщина – из-за позиции местных магнатов перешли под непосредственный контроль польской короны.

«Местные феодалы не смогли организовать противодействие включению украинских земель в состав Польши, они отдали предпочтение собственным интересам перед национальными», – выносит безжалостный, но верный приговор Глеб Ивакин.

Половина Украины – правобережная ее часть – останется под владычеством Польши до самого конца XVIII века. Другая – левобережная – напротив, будет связана тесными узами с Россией. Это разделение по Днепру ощущается и в современной Украине, порождая спекуляции популистов от политики и истории всех мастей.

Глава седьмая
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Нашествие татаро-монголов стало катализатором процесса крушения Руси. Вместе с тем, следует отметить, что упадок начался задолго до этого.

Расцвет Киевской Руси как государства пришелся на правление Ярослава Мудрого в XI веке, и ни при одном князе после него, даже при Владимире Мономахе и его сыне – Мстиславе Великом, Русь не достигла подобного величия.

К нашествию Батыя – в середине XIII века – Русь, а точнее Киевская Русь, подошла практически полностью деморализованной.

Если рассматривать Киевскую Русь не просто как государство, а как империю, то получается, что нашествие 1240 года ознаменовало крушение этой империи.

Существует классическое представление о цикличности развития великих держав. Так, в соответствии с такой концепцией, империи проходят три стадии – становление, расцвет и упадок. Иными словами, согласно этой теории, любая империя – будь то Шумерская или Советская – должна погибнуть, пройдя три стадии своего развития. Вместе с тем, современный британский историк Ниалл Фергюсон, профессор Гарварда, полагает, что империи рушатся не по сценарию циклического развития, а достаточно внезапно. И довольно умело это аргументирует. Так, Фергюсон приводит факты, свидетельствующие о том, что и Французская империя, павшая под натиском революции 1789 года, и империи Романовых, Габсбургов и Османов, прекратившие существование в результате большевистской революции 1917 года, пронеслись от своего триумфа до краха очень уж стремительно.

Мы воздержимся от участия в этой полемике. Согласимся лишь с тем, что империи, равно как и любые другие сложные государственные системы, проходят различные этапы развития и приходят разными путями к своему концу.

Киевская Русь по своему статусу и по своей природе, безусловно, была империей. Приход войск Батыя сделал то, что должно было рано или поздно произойти.

Поражает стремительность, с которой распространялись упадок и разложение по Южной Руси. Но при этом возникает закономерный вопрос: почему, несмотря на одинаковые условия, последствия нашествия не были столь катастрофичными для

севера Руси? Ответ, вероятно, проще, чем может показаться с первого взгляда. Дело в том, что на севере вокруг Владимира-на-Клязьме к тому времени уже были созданы основы для новой империи, которая, пройдя фазу Московского княжества, трансформировалась в государство Российское.

Нечто похожее произошло и на западе, где свое суверенное государство создал Даниил Галицкий. Трудно сказать, какая судьба ожидала бы эту державу – она просуществовала слишком недолго.

Подобно Киевской Руси в XV веке прекратила существование еще одна «несокрушимая» империя – Золотая Орда.

Великое княжество Литовское, имевшее все признаки имперскости, исповедовавшее по отношению к подданным то, что сегодня называют sof power, последовало примеру двух других неудачников – оно растворилось в польском имперском проекте Речь Посполита.

Польша также недолго упивалась своим триумфом: более сильные игроки – Пруссия, Россия и Австрия – разделили между собой польские земли.

XX век видел становление и крушение новых империй и супердержав. Сегодня происходит процесс формирования сложных, комплексных систем, часто выходящих за рамки чисто национальных.

Современная Украина является наследницей Киевской Руси, но бессмысленно отождествлять эти два государства. За период после крушения Киевской Руси и до появления независимой Украины прошло слишком много времени, слишком многое изменилось необратимо.

Более того, учитывая имперский фактор Киевской Руси, совершенно невозможно сопоставить с ней Украину, которая на протяжении нескольких веков входила в другие, более крупные государственные образования, зачастую – в несколько одновременно. В связи с этим представляется, что именно литовский период стал для украинских земель во главе с Киевом отправным пунктом в становлении нации, а монгольский период выступил в роли переходной фазы между двумя состояниями, двумя эпохами.

Вместе с тем, сегодняшние украинцы, как общество, так и элита, должны помнить правителей древнего Киева, их ошибки, которые привели в свое время к непоправимым последствиям.

Приложение

ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ КИЕВСКИЕ

Мстислав Романович Старый (1212 или 1214–1223)[1]
Владимир Рюрикович (1223–1235)
Изяслав Владимирович (1235–1236)
Ярослав Всеволодович (1236–1238)
Михаил Всеволодович (1238–1240)
Ростислав Мстиславич (1240)
Даниил Романович Галицкий (1240)
Михаил Всеволодович (1241–1243)
Ярослав Всеволодович (1243–1246)
Александр Ярославич Невский (1249–1263)
Ярослав Ярославич (?) (1263–1272)
Иоанн-Владимир Иванович (?) (вторая половина XIII – начало XIV века?)
Федор (1331 (?) – 1363)
Владимир Ольгердович (1363–1394)
Скиргайло Ольгердович (1395–1397)
Иван Борисович (?)
Олелько Владимирович (1440–1452)
Симеон Олелькович (1452–1470)

ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ ВЛАДИМИРСКИЕ (И МОСКОВСКИЕ)

Юрий Всеволодович (1212–1216, 1218–1238)
Ярослав Всеволодович (1238–1246)
Святослав Всеволодович (1246–1248)
Михаил Ярославич (1248)
Андрей Ярославич (1249–1252)
Александр Ярославич (Невский) (1252–1263)
Ярослав Ярославич (1263–1271)
Василий Ярославич (1271–1276)
Дмитрий Александрович (1276–1281, 1283–1292)
Андрей Александрович (1281–1284, 1292–1304)
Михаил Ярославич (1305–1318)
Юрий Данилович (1319–1322)
Дмитрий Михайлович (1322–1326)
Александр Михайлович (1326–1327)
Иван Данилович (Калита) (1328–1340)

Симеон Иванович (Гордый) (1340–1353)
Иван Иванович (Красный) (1353–1359)
Дмитрий Константинович (1360–1363)
Дмитрий Иванович (Донской) (1363–1389)
Василий I Дмитриевич (1389–1425)
Василий II Темный (первый великий князь Московский) (1425–1462)
Юрий Дмитриевич (1433–1434)
Василий Юрьевич (Косой) (1434)
Дмитрий Юрьевич Шемяка (1445, 1446–1447)
Иван III Васильевич (1462–1505)
Василий III (1505–1533)
Иван IV Грозный (первый царь всея Руси) (1533–1584)

ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ ЛИТОВСКИЕ

Миндовг (1236 (?) – 1263)
Тройнат (1263–1264)
Войшелк (1264–1267)
Шварн Даниилович (1267–1269)
Тройден (1269–1282)
Довмонт (1282–1285)
Бутигейд (1285–1290)
Пукувер Будивид (1290–1295)
Витень (1295–1316)
Гедимин (1316–1341)
Евнутий (1341–1345)
Ольгерд (1345–1377)
Ягайло (1377–1381, 1382–1392)
Кейстут (1381–1382)
Витовт (1392–1430)
Свидригайло (1430–1432)
Сигизмунд Кейстутович (1432–1440)
Казимир (1440–1492)
Александр (1492–1506)
Сигизмунд I (1506–1548)
Сигизмунд II Август (1548–1572)

ХАНЫ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Батый (1227–1255)
Сартак (1255–1256)

Улагчи (1256–1257)
Берке (1257–1266)
Менгу-Тимур (1266–1282)
Туда-Менгу (1282–1287)
Туле-Буки (1287–1291)
Тохта (1291–1312)
Узбек (1312–1342)
Джанибек (1342–1357)
Бердибек (1357–1359)

«Великая замятня» (в 1359–1380 гг. на золотоордынском престоле перебывало более 25 ханов)

Тохтамыш (1380–1395)
Тимур Кутлук (1395–1399)
Шадибек (1400–1408)
Пулад (1409–1411)
Тимур (1411–1412)
Джелал ад-Дин (1412–1413)
Керим Бирди-хан (1413)
Кепек (1413)
Чокре (1413–1416)
Кадыр Бирди-хан (1416, 1419)
Дербес-хан (1416–1419)
Кажи-Мухаммед (1419)
Улу Мухаммад-хан (1419–1421, 1424–1428, 1428–1432)
Гийас ад-Дин Даулат Бирди-хан (1421–1422)
Кудайдат-хан (1422, 1423–1424)
Барак-хан (1422–1423)
Кичик Мухаммад-хан (1428, 1432–1459)
Махмуд-хан (1459–1465)
Ахмад-хан (1465–1481)

ЛИТЕРАТУРА

Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Томъ второй. Ипатьевская лѣтопись. Изданіе второе. – СПб., 1908.

Антонович В. Очерк истории Великого княжества Литовского до смерти Великого князя Ольгерда (докторская диссертация). – 1878.

Антонович В. Киев, его судьба и значение с XIV по XVI столетие (1362–1569) // КС. – 1882.

Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 3. – Львів, 1905.

Гумилев Л. От Руси до России. – М.: Айрис Пресс, 2003.

Шабульдо Ф. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. – К., 1987.

Вернадский Г. Монголы и Русь. – Тверь; М.: Леан; Аграф, 1997.

Івакін Г. Історичний розвиток Києва (XIII – середина XVI ст.) – К., 1996.

Войтович Л. Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. – Львів, 2000.

История Києва: в 3 т. – К, 1982.

Феннел Джон. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. – М.: Прогресе, 1989.

Геллер М. История Российской империи. – М.: МИК, 1997.

Білоус Н. Київ наприкінці XV – у першій половині XVII століття. – К: Видавничий дім «Киево-Могилянська академія», 2008.

notes

Примечания

1

Указаны годы княжения.